

СОВЕРШЕННЫЕ

ТЕНЬ. КНИГА 2

ХЕЛЬГА ЭШ

Хельга Эш

Совершенные. Тень

<https://litres.ru/73985616>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мир, который был раньше, исчез. Остатки цивилизации поглотил вирус «Шепот Химеры». Выжившие живут в городах под защитным куполом, а за его пределами кишат зараженные. Среди обычных людей есть Совершенные, которые защищают мир от опасности. Это сверхсущества, которые обладают генами животных.

Чтобы стать Совершенным, надо попасть в Отбор и пройти все испытания. Я - Диана, и из-за моей ошибки оказываюсь на Отборе, против моей воли. Испытания, которые надо пройти, меня пугают, особенно - выйти за пределы купола.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	28
Глава 4	41
Глава 5	59
Глава 6	70
Глава 7	76
Глава 8	99
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Хельга Эш

Совершенные. Тень

Глава 1

Защитный купол сегодня был неспокоен. Его прозрачная поверхность, как обычно, переливаясь серым цветом, мелко дрожала. По воздуху ползла та самая тревожная электрическая свежесть, что бывает перед грозой, хотя купол не пропускает извне совершенно ничего. В этом его миссия. Хотелось бы мне хоть раз в жизни почувствовать настоящий дождь, а не наблюдать за теми редкими каплями, которые скатываются по стенкам защитного барьера.

— Ди! Ты не поверишь! — Взрыв детского восторга разорвал тишину. Навстречу мне из дома выпорхнула Китти, младшая сестра Ксандера, и принялась тормозить мой рукав. — Тень опять приходила! Оставила мне на подоконнике бантик, смотри!

Она протянула ладошку с лиловой заколкой, сияя так, будто держит не безделушку, а сокровище.

— Китти, — мягко встрял Ксандер, появившись в дверях. Уголки его губ подрагивали, пытаясь скрыть улыбку. — А с чего ты взяла, что эта Тень — девочка? Может, это бородастый дядя в плаще?

— А кто же еще? — искренне удивилась Китти, глядя на него круглыми глазами.

Наши взгляды с Ксандером встретились друг с другом. Я многозначительно закатила глаза к небу, а он лишь сдержанно вздохнул, подошёл к сестрёнке и, обняв, нежно взъерошил ей волосы. Ксандер только что закончил свою рабочую смену у Северного сектора купола, поэтому его высокая фигура была в униформе охраны, в которой он выглядел старше своих восемнадцати лет.

— Осторожно! Ты мне всю причёску испортишь! — фыркнула Китти и, прижав бантик к груди, умчалась обратно в дом.

Ксандер проводил её взглядом, и его лицо снова стало серьёзным.

— Снова про свою Тень. Представляешь, теперь заявила, что хочет стать Тенью, когда вырастет.

— Ну, а чему ты удивляешься? — Я пожала плечами, стараясь говорить мягче. — В ее глазах Тень — герой, который помогает людям.

— Я люблю своих сестер, всех троих, — его голос стал низким и напряженным. — И я не смогу спать спокойно, зная, что одна из них каждую ночь играет в кошки-мышки с Дозором Безмолвия. Это не геройство, Ди, это хождение по лезвию.

— Ага, — я не удержалась и прыснула. — То есть ты уже и сам решил, что Тень — девушка? Пятилетняя Китти тебя

убедила?

Он на мгновение смутился, но тут же нахмурился, осознав мой подвох.

— Нет... Дело не в этом. Дело в том, что эти его благородные вылазки сеют смуту. Он даёт людям пустые надежды.

— Он рискует, чтобы помочь тем, кому хуже всех! — не выдержала я.

— Он раздаёт подачки! — голос Ксандера сорвался, в нём послышалось что-то горькое. — Он не защитит от Дозора, не накормит весь Гринвуд, не остановит вирус! Он — сказка, Ди. Красивая, опасная сказка. А люди начинают верить в сказки, когда у них не остаётся ничего реального.

Больше Ксандер не злился. В его словах была усталость, и я поняла, что спорить бесполезно. Его не убедить в том, что загадочный человек, который помогает людям по ночам, приносит людям не только реальную помощь, но и надежду на лучшее. Для Ксандера Тень был лишь симптомом болезни всего нашего мира, запертого под дрожащим куполом. Мира, где надежда стала таким же дефицитом, как и настоящий солнечный свет и капли дождя. Но во все времена людям надо во что-то верить. А в наше время - особенно.

Если бы меня попросили описать Гринвуд одним словом, я бы, не задумываясь, сказала: «Тоска». Серые, как пепел, дома. Искусственное небо, которое никогда по-настоящему не хмурится и не светит. И тишина, которую изредка нарушает гул патрулей Дозора Безмолвия. Здесь у каждого своя

клетка, даже если она называется «дом».

Вспомнив за чем пришла к Ксандеру и убедившись, что вокруг ни души, я шагнула ближе и понизила голос почти до шепота:

— Мне нужно кое-что тебе показать, но это только между нами. Никто. Никогда. Об этом не должен узнать.

Его брови поползли вверх. Любопытство перевесило усталость.

— Звучит серьезно. Ты же знаешь, я не болтун.

— Именно поэтому я и пришла к тебе, — я сделала паузу, собираясь с духом. — Ты сегодня ночью дежуришь у Северного сектора, как обычно?

Ксандер мгновенно насторожился.

— Ди... Ты хочешь сделать это ночью? Ты с ума сошла? Если Дозор заметит...

— Я ведь сказала — это секрет, — я посмотрела на него прямо, играя на его смелости. — Но если боишься, я всё понимаю.

Сработало мгновенно. Ксандер выпрямился, и в его позе появилась обидная готовность.

— Еще чего! Я не трус. Но это должно быть действительно важно.

— Важнее не бывает, — выдохнула я. — Ровно в шесть утра сделай так, чтобы Дозора рядом не было. Хотя бы на пятнадцать минут.

— Пятнадцать минут... — он с сомнением покачал голо-

вой, но в глазах уже горел азарт. — Ладно, ровно в шесть. Но потом я сдаю пост, и никаких задержек быть не должно, ты ведь понимаешь?

— Я буду как швейцарские часы, — я пообещала и, прежде чем уйти, поднесла палец к губам в нашем старом, детском жесте «храни молчание».

Он кивнул, и в его взгляде я прочитала не только тревогу, но и доверие. Я развернулась и пошла прочь, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле. Атмосфера Гринвуда внезапно показалась гнетущей, будто сам воздух сжимался вокруг, пытаюсь не выпустить чужой секрет.

Этой же ночью после разговора с Ксандером, я не изменила свое решение. Ночь уже подходила к концу, и через час на куполе включится рассветное солнце и начнется утренняя суета, поэтому я ускорила свой шаг, чтобы не наткнуться на Дозор Безмолвия.

Мой путь лежал не по безлюдным улицам города, а по крышам серых, как под копирку, домов. Я прыгала с одной крыши на другую, и подошвы черных ботинок бесшумно касались прохладного шифера. Теснота Гринвуда и его унылая архитектура играли мне на руку, превращая город в мою личную, запретную трассу и давали мне возможность быстро и беспрепятственно добираться до цели, не встречая на своем пути хранителей порядка.

Встреча с Дозором была последним, чего я хотела. Эти ребята в серой форме работали быстро и тихо. Если наруши-

тель, к своему несчастью, встретил сотрудника Дозора Безмолвия, то может смело прощаться со своей жизнью. Элитный охранный отряд действует оперативно и бесшумно. Как правило, человеку преступившему закон, дают один час на прощание с близкими, а затем уводят из дома, и больше его никто не видит.

Что происходит с ним, никто не знает. Но у нас в городе нет тюрьмы, нет суда, отдела полиции, но и преступников давно не было. Дозор Безмолвия действительно жутко эффективный метод.

Перемахнув через очередной узкий проход между домами, я, как тень, съехала по ржавой водосточной трубе вниз и растворилась в темноте переулка. Руки дрожали, но не от страха за себя, я боялась опоздать.

Тихой поступью, пригнувшись, я зашла в одно из наглухо закрытых зданий, в котором хранился инвентарь для уборки улиц. Здесь не было ничего ценного, поэтому вход в него не охранялся. Воздух внутри был спертый и сырым, но сквозь запах плесени и пыли я тут же уловила другой, медный и сладковатый — кровь.

«Только бы успеть», — пронеслось в голове.

Я нарочно пошаркала ногами, давая присутствующему понять, что это я, а не кто-то другой.

Забившись в самый дальний угол, на небольшом куске холщового мешка, лежала настоящая собака, но увы раненая. Первый раз в своей жизни я встретила живую собаку

прошлой ночью, когда в очередной раз бегала по крышам. Сначала я не поверила своим глазам, подумала, что настоящее животное мне привиделось, но решила последовать за медленно идущей тенью.

Дозор патрулировал соседнюю улицу, и каждая секунда могла стать последней, но я не могла упустить этот шанс. Если они найдут ее первыми, собаке конец.

В нашем городе нет животных, вообще. Ни голубей, ни кошек, ни собак. Даже крыс не водится. Никто из живущих в Гринвуде не встречал настоящего животного. Мы видели их только на картинках в старых книгах. После «Шёпота Химеры» — того самого смертоносного вируса, что полвека назад перевернул мир, — всё живое либо вымерло, либо мутировало в нечто чудовищное. Когда «Шёпот Химеры» попадает в организм человека или животного, зараженные клетки заставляют меняться здоровые, мутируя до неузнаваемости. Теперь мы прячемся под куполом, а снаружи бродят кошмарные твари, одна встреча с которыми может превратить тебя в монстра.

Поэтому, увидев живую собаку, разгуливающую по улицам города, я обрадовалась как ребенок. Настоящая, живая собака. Не картинка в учебнике, не мутировавшее чудище за куполом, а самое что ни на есть настоящее животное. Сердце заколотилось, как сумасшедшее. Мне дико захотелось подбежать, потрогать ее шерсть, убедиться, что это не мираж. Но вместо этого я застыла, и в голове закрутилась

карусель вопросов. Как она сюда попала? Купол же не открывался... Он что, ее пропустил? Животное явно хромало. Ранена? Или... заражена?

Я внимательно, почти не дыша, разглядывала ее. Нет, «Шепот Химеры» выглядит иначе. Каждый житель знает, как определять зараженного: у него стеклянный взгляд, в облике есть что-то ненормальное, мутировавшее, и оно обязательно хрипит, словно шепчет. Говорят, что можно заразиться не только через укус, но и послушав шепот зараженного.

А создание, которое я встретила, было просто... собакой. Истощенной, испуганной, к тому же оставляла кровавый след, значит рана свежая, и ей нужно как можно скорее помочь. Она, наверное, неделями пряталась по подвалам, голодала. Ей срочно нужна была еда, вода и помощь с раной.

Я медленно, чтобы не спугнуть, сделала шаг вперед и жестом показала: «Иди за мной». Она смотрела на меня с таким недоверием, что аж сердце сжималось. Голод в итоге пересилил страх, и она, припадая на больную лапу, поплелась за мной в старый сарай.

Внутри, в полумгле, я попыталась подзвать ее ближе, чтобы осмотреть рану. Поняв, что, пугаю ее в своем черном капюшоне и маске, я медленно опустила их, показывая свое лицо.

— Эй... Привет, — тихо сказала я, и мой голос прозвучал нелепо в тишине. Зачем я вообще решила поговорить с собакой.

И случилось чудо. Услышав меня, моя новая знакомая вдруг неуверенно вильнула хвостом. Шаг за шагом, она приблизилась и... сама ткнулась носом в мою руку, требуя ласки. Я замерла, а потом осторожно провела пальцами по ее голове. Шерсть оказалась невероятно мягкой и теплой. Это была самая удивительная текстура из всех, что я чувствовала в жизни.

— Какая ты мягкая, какая теплая,— приговаривала я собаке, продолжая гладить ее тело. — И совсем не страшная.

Потом я вспомнила про рану.

— У тебя болит лапка? — я чувствовала себя глупо, разговаривая с собакой, которая не могла мне ответить, но мне казалось, что животное меня понимает и старается мне отвечать своими верными глазами. — Дай мне посмотреть твою лапку, возможно я что-то придумаю.

При лунном свете, пробивавшемся сквозь щели, на мягкой лапе был виден глубокий порез, который сильно кровоточил. Я оторвала небольшую полоску от подола своей черной кофты, но едва попыталась прикоснуться к больной лапе, собака с рычанием отпрянула. В ее глазах снова вспыхнул страх.

— Прости! Я не хотела сделать больно! — я тут же убрала руки, показывая, что не опасна. — Я хочу тебе помочь.

Испуганные глаза собаки и поджавшие к голове уши говорили сами за себя. Доверие было потеряно. Что ж, его нужно было вернуть. Я достала из небольшой поясной сумки при-

прятанный кусок хлеба и сыра. Смешно понюхав воздух своим кожаным носом, животное подходить не спешило. Тогда я отломил маленький кусочек и положила на пол перед собой.

Собака осторожно подкралась, схватила угощение и умчалась в угол, чтобы съесть его в одиночестве. Я невольно улыбнулась. Оставив ей остатки еды и тряпку для подстилки, я тихо вышла, плотно прикрыв за собой дверь. И пообещала себе, что обязательно вернусь следующей ночью, когда не будет других жителей, которые могут сдать бедное животное Дозору Безмолвия.

На этот раз я пришла не с пустыми руками. В моей сумке болталась бутылка с водой, немного еды, а на самом дне — украденный из домашней аптечки антисептик и стерильная вата. Еще дома я лихорадочно пыталась найти хоть какую-то информацию о лечении животных, но ни в одном источнике не было ни строчки. Спросить у кого-то? Слишком рискованно. Одно неверное слово, и нам вдвоем не поздоровилось бы. Да и не было никакой гарантии, что кто-то знает больше, чем я.

— Привет, Ночка! — тихо позвала я, пробираясь внутрь. Да, я дала ей имя. Это уже делало ее не просто бездомным зверем, а кем-то своим. — Это я. Узнаешь?

Мои опасения оказались напрасны. Увидев меня, Ночка поднялась с своего тряпья и, радостно виляя хвостом, подошла прямо ко мне.

Я плюхнулась на грязный пол, не думая о пыли и холоде. Собака тут же пристроилась рядом, тычась мордой в мою ладонь в поисках ласки. Я разложила угощение и налила воды в жестяную миску. Ночка с жадностью, с которой пьют только после долгой жажды, принялась пить. От этого зрелища у меня в горле встал комок. Я не могла смотреть на это спокойно.

«Ничего, — подумала я, глядя ее теплый бок. — После сегодняшнего дня в городе станет спокойнее. Тогда я смогу перенести ее поближе к дому». Мой дом был самой надежной крепостью в Гринвуде. Возможно, мы и правда станем друзьями.

Мысль о друзьях вернула меня к Ксандеру. Пока я думала, глядя жующую Ночку, как рассказывать другу про мою находку, внезапная вибрация на запястье заставила меня вздрогнуть. Часы беззвучно сигналили: ночь кончается, пора бежать.

— Слушай меня внимательно, — я обняла Ночку за шею, глядя в умные, понимающие глаза. — Сиди тут тихо, как мышь. Никому не показывайся! Если услышишь шаги — прячься!

Ночка в ответ бодро виляла хвостом, словно я не инструктировала ее перед возможной смертельной опасностью, а рассказывала, какая она хорошая девочка.

Я была уже у двери, как почувствовала знакомое прикосновение к ноге.

— Ты меня вообще слушала? — прошипела я, оборачиваясь. — Иди на место! Жди меня!

Но она стояла рядом, смотрела преданным взглядом и снова виляла хвостом. Пришлось пойти на хитрость. Достав последний кусок хлеба, бросила его в дальний угол. Как я и надеялась, Ночка помчалась за добычей. Пользуясь моментом, я выскользнула наружу, плотно притворив за собой скрипучую дверь.

Сделала шаг из тени сарая — и тут же замерла. В двух шагах от меня, выплывая из предрассветной мглы, застыли две высокие фигуры в серой униформе.

Дозор Безмолвия.

Вся кровь разом прилила к вискам, а ноги стали ватными. План? Какой там план! Тело среагировало само: я резко отпрыгнула назад, прижалась к шершавой стене дома и слилась с ней, натянув капюшон и маску. Стать тенью, стать ничем.

Я зажмурилась. Главное — не открывать глаза. Внутри себя я повторяла это как мантру: я вся в черном, ночь еще не отступила, они не увидят. Не увидят, если только я не выдам себя блеском глаз.

Их шаги были почти неслышны, а только призрачный шелест по брусчатке. Но я чувствовала, как этот звук приближается. Прямо ко мне. Я затаила дыхание, пытаюсь заглушить бешеный стук собственного сердца. Оно колотилось где-то в горле, громкое, предательское, казалось, его эхо отражается от всех стен.

Одна секунда. Десять. Двадцать... Жаркая волна страха медленно отхлынула, сменившись ледяным ожиданием. Шаги, не меняя ритма, стали удаляться. Я не двигалась, отсчитывая в уме еще десяток мучительных секунд. Только потом, медленно, на волоске от паники, приоткрыла веки. Пусто. Две серые тени Дозора растворялись в тумане в дальнем конце улицы.

Второй раз нарываться на удачу не стоило. В одно мгновение я, как кошка, вскарабкалась по ржавой водосточной трубе на крышу. Сердце все еще бешено колотилось, но здесь, наверху, я могла дышать. Дозор редко поднимал голову — их мир ограничивался улицами. А крыши были моим царством, моей единственной настоящей свободой в этом городе.

Адреналин от встречи с Дозором Безмолвия еще пылал в крови, но рассвет не ждал. Я вдохнула прохладный ночной воздух и рванула с места, превращаясь в ветер. Прыжок, толчок, еще один прыжок — крыши мелькали под ногами, мне нужно было успеть до того, как город проснется.

За спиной мягко постукивал по плечу мой тканевый рюкзак. В нем лежало небогатое, но для кого-то бесценное сокровище: куски мыла, тюбик зубной пасты, яркие ленточки и несколько железных консервов — всё, что мне удалось незаметно вынести из наших щедрых семейных запасов.

Вот и нужный дом. Я, как бесшумная тень, спустилась по стене и замерла у окна на третьем этаже. Створка, к моей

радости, не была заперта. Изнутри доносилось ровное, спокойное дыхание. Здесь спали пять девочек-сирот, которых забыл мир. Осторожно, чтобы не скрипнула рама, я стала выкладывать свои дары на холодный каменный подоконник. Каждый предмет был словно беззвучным обещанием: вы не одни.

В Гринвуде голод — привычный сосед, а о простом мыле многие могут только мечтать. Я стала их Тенью не из прихоти. Сначала это был просто разговор, подслушанный на рынке: «Мука кончилась, дети плачут от голода». Потом смущенный лепет девчонок у школы: «Мыться нечем, белье пахнет грязью». И вот уже в ту же ночь на их подоконниках появлялось спасение: анонимное.

Я могла бы подбрасывать деньги, но это было бы пустым жестом. Деньги здесь почти ничего не стоили, настоящей валютой был товар: мука обменивалась на лекарства, лекарства на мыло, мыло на нитки. Каждый менялся друг с другом тем, чем располагал на то, чего ему было жизненно необходимо.

Еще деньги рождали вопросы, а вопросы привлекали Дозор. Нет, мой способ был безопаснее.

И глядя на эти куски мыла в лунном свете, я понимала, что дарю людям не просто средство гигиены, а надежду. Легенду о Тени, которая не дает окончательно сдаться. Когда люди верят, что в мире есть добро, они и сами невольно становятся добрее, протягивая руку помощи ближнему. И в этом тихом сопротивлении всеобщему унынию была моя са-

мая главная победа. И никто не знает, кто этот таинственный человек-тень, и пусть дальше так будет.

Теперь нужно было поторопиться к Ксандеру.

Глава 2

Последний прыжок с карниза на мостовую отозвался в ногах легкой вибрацией. Я оглянулась по сторонам — улица была пуста. На ходу стянула с себя черную куртку, вывернула ее наизнанку, и матово-серая подкладка слилась с унылым утром Гринвуда. Одним движением руки я распустила волосы, встряхнула головой — и вот я уже не Тень, скользящая по крышам, а обычный житель по имени Диана, немного уставшая от бессонной ночи.

Я успела. Ровно в шесть, как и договаривались, я подошла к Ксандеру, который заканчивал обход у Северного сектора. Он был бледен от напряжения, ожидая меня.

— Пс, - позвала я друга. Тот вздрогнул и испуганно посмотрел на меня.

— Ди, я всю ночь как на иголках, давай скорее показывай, что ты там хотела.

Ксандер испуганно вертел головой, убеждаясь, что кроме нас на улице около купола никого нет.

— Ксандер, нам нужно пройтись, это в пяти минутах ходьбы от сюда.

— Ты совсем спятила, — прошипел друг, но я схватила его за рукав.

— Сейчас не время для споров, просто иди за мной. У

тебя же есть семь минут, правда?

— Ди...

— Семь минут, Ксан! — в моем голосе прозвучала отчаянная мольба. — Я должна тебе кое-что показать. Это важно.

Друг сдался с тяжелым вздохом, и мы пустились бежать по пустынным переулкам, что было куда быстрее, чем мои акробатические трюки на высоте. Влетев в сарай, я с триумфом указала на дальний угол.

— Смотри!

Ночка, услышав нас, робко вильнула хвостом. Но триумф длился лишь мгновение. Лицо Ксандера исказилось не удивлением, а чистым гневом.

— Ты... ты что, спрятала его? — его голос был тихим и опасным. — Ты сошла с ума, Ди! Это же животное! Оно может быть заражено! Ты понимаешь, на что ты нас всех подписала? На весь город! И на мою семью! И на твоего отца!

— Ксан, успокойся, Ночка не опасна!

— Ты еще и кличку ей дала! Да что с тобой, Ди? — его крик в тишине сарая, заставил Ночку жалобно прижать уши и забиться в угол.

И тут же, словно из-под земли, в проеме двери выросли две высокие серые фигуры Дозора Безмолвия. Они стояли не шелохнувшись, их скрытые масками лица были обращены на нас. На меня, на Ксандера в форме охранника и на перепуганную собаку.

Все произошло молниеносно: железная хватка на моем за-

пястье, короткая команда. Нас вытолкали на улицу, где уже светило искусственное утро. Ксандер пытался что-то сказать, но на него повернули голову один из стражей, и друг чуть в обморок не упал от одного этого действия. Другой страж откуда-то достал канат и закрепил на шее у собаки, чтобы удерживать дрожащую Ночку при себе.

Под конвоем, на глазах у просыпающегося города, нас повели к центральной башне, где находился глава города, и я понимала — сейчас рухнет всё.

Нас привели к зданию Администрации, массивному, холодному сооружению из полированного камня, которое даже в ясный день казалось вырезанным из грозовой тучи. Внутри царил мертвенная тишина. Страж Дозора, не говоря ни слова, указал на скамью напротив тяжелой дубовой двери, и мы остались ждать.

Минуты тянулись, превращаясь в мучительные часы. Безмолвные стражи встали по обе стороны от нас.

— Что, ребята, не хотите чайку предложить? — язвительно бросила я в тишину. — Или у вас в протоколе не прописано гостеприимство? А печенек? Мне кажется, к статуям особенно с изюмом подходят.

Ответом мне была все та же гробовая тишина. Ксандер лишь с ужасом посмотрел на меня.

— Ничего не отвечают, — вздохнула я, обращаясь к Ксандеру. — Наверное, кнопку «сарказм» у них на спинке искать нужно. Или батарейки сели.

Я потянулась, демонстративно разминая затекшие мышцы. Один из стражей чуть повернул голову.

— Ой, простите, я не хотела нарушать ваш режим энергосбережения, — тут же сказала я.

Ночка, прижавшись к моей ноге, тихо поскуливала.

— Видишь? — сказала я, глядя на ближайшего стража. — Даже собака поняла, что ваше чувство юмора — это миф. Хотя, возможно, у вас просто вшит стандартный набор фраз: «Не шуметь», «Не двигаться», «Угроза идентифицирована»...

Ксандер, казалось, готов был провалиться сквозь мраморный пол.

— Ди, пожалуйста, — просипел он.

— А что? Интересно же, — не унималась я. — Может, они там телепатически общаются? Или через Bluetooth? Эй, а у вас какие-нибудь секретные миссии есть? Или вы только пугать людей умеете?

Мы просидели так больше часа. Мне отчаянно хотелось в туалет.

— Слушайте, а в вашем функционале есть опция «проводить до дамской комнаты»? Или это уже сверхурочные? — спросила я.

В ответ вновь идеальная неподвижность.

— Поняла. Значит, вариант «терпеть». Отличный выбор. Очень человечно.

И вот, наконец, в конце коридора послышались твердые,

размеренные шаги.

Хозяин этого здания и целого города зашел в нашу комнату. Его взгляд скользнул по Ксандеру, по мне, и, наконец, упал на Ночку.

Сначала его брови медленно поползли вверх. Потом он глубоко, устало вздохнул.

— Подождите здесь. - Сказал он Дозору. - И... проследите за животным.

Мужчина открыл дверь в кабинет. Я, не дожидаясь приглашения, плюхнулась в кресло. Ксандер застыл на пороге и сел, только когда мужчина кивнул. Глава города устроился за своим столом и уставился на меня.

— Ну рассказывайте, что на этот раз случилось?

Я перевела дух, глядя ему прямо в глаза.

— Отец, — тихо, но четко произнесла я. — Я нашла настоящую живую собаку, и она не заражена!

В воздухе повисла звенящая тишина. Глава города, мой отец, откинулся на спинку кресла.

— И это должно как-то оправдать тот хаос, который ты устроила, Диана? Полагаю, у тебя есть этому очень, очень веское объяснение?

— Но разве тебя не смущает тот факт, что собака как-то попала к нам в город? — не унималась я. — Или ты думаешь, в Гринвуде завелись подпольные собаководы?

— Это мы выясним во вторую очередь, — отрезал отец, и его взгляд стал пристальным и холодным. — А сначала я

хочу понять, почему ты побежала к соседскому парнишке, а не к родному отцу!

Повисла тяжелая пауза, которую я пронзила голосом, полным вызова:

— А что бы ты сделал, расскажи я тебе сразу? — Я сделала пауза, но не для театральности, а, чтобы немного успокоить себя. — Верно. Приказал бы Дозору Безмолвия «утилизировать угрозу». И этой милой собаки уже и след бы простыл.

Я резко ткнула пальцем в сторону двери, за которой скулила Ночка.

Отец даже бровью не повёл:

— Так надо, Диана. И ты прекрасно понимаешь почему. Любое животное — потенциальный носитель. Один укус, одна царапина, и вирус просочится под купол, который десятилетиями защищает нас. Мы не можем рисковать тысячами людей ради одной собаки.

— Она не опасна! Я проверила!

— Ты не специалист! — в его голосе впервые звякнула сталь. — Ты — моя дочь, которая в порыве юношеского максимализма подставила всех. Включая своего... друга.

Его взгляд скользнул по Ксандеру, и тот, бледный, пробормотал, глядя в пол:

— Он прав, Ди. Я понимаю, ты хотела помочь... Но правила написаны не просто так. Это опасно.

Я почувствовала, будто мне в спину воткнули нож. Его предательство обожгло большее отцовского гнева.

— Что? — прошептала я, смотря на Ксандера с недоверием. — Ты... Ты же сам твердил, что в нашем мире не хватает доброты! А теперь прячешься за «правилами»?

— Это не просто правила, Ди! — взорвался он, наконец подняв на меня глаза, в которых плескался всё тот же животный страх. — Речь о выживании! Если бы не ты, я бы никогда... Моя семья... — он замолчал, сжав кулаки.

И тут до меня дошло. Вся его «солидарность» — это страх. Не за город, а за своих сестёр, за свой убогий, но родной дом. И он был готов принести в жертву Ночку, а заодно и наше с ним доверие, ради их призрачной безопасности.

Я медленно поднялась с кресла, окинув их обоих ледяным взглядом.

— Понятно. Значит, так «надо». А я-то думала, что хоть кто-то способен увидеть в этом существе не угрозу, а шанс. Доказательство, что за куполом, возможно, есть не зараженная жизнь! Что кому-то там может требоваться наша помощь. Но я ошиблась. Насчёт всего. Вы не хотите никого спасать. Лишь бы сохранить свои теплые места.

— Диана, — грозно произнёс отец. — Ты забываешься!

Я повернулась к нему, и в моём голосе не осталось ни дерзости, ни злости — одна пустота.

— Что теперь будет с ней? И что будет с нами?

Отец взял паузу, как всегда, используя психологический прием в переговорах. Он был дипломатом до мозга костей, и для него слова - это основная точка касания с собеседником:

— Я подумую, как решить этот вопрос с наименьшими последствиями. Но, дочка, имей в виду: приди ты ко мне сразу, без лишних свидетелей, всё было бы иначе. А теперь новость разнесется по городу со скоростью света, и мне придётся публично показать, что я тебя наказал. Это будет уроком для всех.

Я понимала, что избежать наказания не удастся, и была готова на всё, лишь бы спасти Ночку. Но отец, словно читая мои мысли, опередил:

— И не гарантирую, что собаку не тронут. Этот вопрос я вынесу на Совет Шести. Решение будет коллективным.

Мои надежды мгновенно рухнули. Совет Шести... Последний раз он собирался десять лет назад, и новость об этом точно просочится в другие пять городов под куполами.

— Надеюсь, вы оба теперь поняли, — продолжил отец, — что вам нужно быть тише воды, ниже травы. Слушаться меня беспрекословно. Пока вы оба под домашним арестом.

— Но, мистер Вуд, сегодня день Отбора.

Отец грозно сверкнул глазами в осмелевшего Ксандера:

— Неужели вы думаете я забыл об этом масштабном событии. До и после Отбора вы будете находиться дома. На какой период я пока не решил. Работу вы также не сможете посещать.

Ксандер поник, словно под грузом невидимой тяжести. Без зарплаты его семья окажется на грани выживания.

«Ладно, — мысленно отметила я, — Тени придётся по-

мочь им в первую очередь.»

Мы вышли из кабинета, подавленные. Даже безмолвные стражи Дозора не казались теперь такими уж страшными на фоне того, что нас ждало. Не обращая внимания на грозных стражников, я опустилась на пол, чтобы погладить полюбившуюся мне нежную Ночку.

— Не грусти! — прошептала я собаке, — Я обязательно что-нибудь придумаю.

И, поцеловав ее в теплый шерстяной лоб, я медленно встала и понуро отправилась домой, шагая следом за Ксандером.

Глава 3

Я нервно переминалась с ноги на ногу в очереди на Отбор, стараясь не смотреть на огромный сканер в конце зала. Воздух был густым от тихого гула голосов и страха. Зал напоминал стерильный белый куб, освещенный до болезненной яркости. По стенам тянулись мерцающие голографические панели, на которых бегущей строкой транслировались правила и протоколы мероприятия.

Впереди, на невысоком подиуме, стояли несколько столов с приборами. За ними суетились ученые в белоснежных халатах — безликие, как и их одежда, с одинаково сосредоточенными и усталыми лицами. Их пальцы порхали над сенсорными экранами, а сами они перешептывались между собой, будто ремонтные дроиды, проверяющие систему. В этом же ряду занимал место мой отец, как глава города и организатор данного мероприятия. По периметру были расставлены десяток стражей Дозора Безмолвия, очень сильно выделяющиеся своей черной формой с масками в этом белом помещении.

Но все взгляды, даже полные страха, были прикованы не к ним. Рядом, в стороне от суеты, стоял Совершенный. В этом году честь выпала Льву.

Он стал Совершенным почти тридцать пять лет назад, но

выглядел лет на двадцать пять, не больше. Его высокая и мощная фигура притягивала взгляды всех присутствующих. Он был воплощением мощи и идеальности: небрежно уложенные темные волосы, приятные глаза, красивые широкие скулы, что автоматически делало бы его эталоном мужской красоты, если бы не его отстраненный вид, который ясно давал понять, что ему наплевать на происходящее вокруг.

Лев был живой рекламой: «Посмотрите, кем вы можете стать». И это работало. Я видела, как у многих в глазах страх сменялся жадным желанием. Шепотки девушек позади меня были полны вожделения и зависти.

Но чем дольше я смотрела на Совершенного, тем сильнее меня охватывала странная неприязнь. Он был слишком идеален. Слишком неподвижен. Его поза была безупречной, но застывшей, как у статуи. В его глазах, холодных и ясных, не было ни искорки любопытства, ни усталости, ни скуки - ничего. Конечно, надо быть полной идиоткой, чтобы отрицать очевидное - Лев прекрасен во всем, но это совершенство, которое пугало своей безжизненностью.

В отличие от всех этих вздыхающих девчонок, я не чувствовала ничего, кроме легкой дрожи по спине. Лев был прекрасным произведением искусства, но в нем не было души. И я не хотела становиться ничем подобным. Погруженная в эти мрачные мысли, я неожиданно встретила с холодным взглядом Льва, который выражал полное безразличие, но скорее не к моей персоне, а ко всему происходящему во-

круг. Сердце упало куда-то в пятки, а по телу пронеслась новая волна дрожи. Я резко опустила голову, чтобы не привлечь к себе внимание, и начала потирать руками бедра.

— Эй, Ди, расслабься. — Ксандер тронул меня за локоть, и я вздрогнула. — Ты вся напряглась, будто на эшафот идешь. Твой же отец сказал, что тебе на Отборе волноваться не о чем.

— Легко тебе говорить, — проворчала я. — Для тебя это ведь тоже первый раз.

— Да, но я-то знаю, что меня не заберут. Обычные карие глаза, как у семидесяти процентов города. Никакой уникальности. А тебя и подавно. Так что дыши глубже.

Из динамиков раздался резкий щелчок, и чиновник у сканера бубным голосом объявил:

— Следующий! Доброволец? Или по достижении?

Парень лет двадцати, с перекошенным от страха лицом, шагнул вперед.

— Д-доброволец.

Ксандер наклонился ко мне и прошептал:

— С ума сойти. Опять. Говорят, им там золотые горы сулят: еда, жилье, одежда. Может они не знают, что потом ты подопытный кролик у столичных ученых.

— А что им еще делать? — так же тихо ответила я. — Если умираешь с голоду в восемнадцать, выбор невелик.

Мы наблюдали, как парня после сканирования быстро проводят в сторону посадочной платформы. Его больше ни-

кто не увидит. Как и остальных, которых забирали в день Отбора.

— Вот ты ни за что не пошел бы добровольцем, — заметила я, больше чтобы убедить себя. — Ни в Дозор, ни к... Совершенным.

Ксандер фыркнул.

— Дозор... Защитники мира. Сомнительная честь — получить право убивать монстров за пределами купола в шестнадцать. Я лучше буду на своем посту у купола стоять. Спокойнее.

— Ты просто завидуешь, что они могут улететь, а мы — нет, — поддразнила я его.

— Улететь, чтобы стать пушечным мясом? Нет уж, спасибо. — Он помолчал, глядя, как очередь медленно движется. — А вот стать Совершенным... Это да. Легендой. Как та девушка-пантера.

Я взглянула на него с удивлением.

— Ты что, всерьез? Превратиться в полузверя? Я читала, что большинство умирает в страшных муках, не пережив укол. Шанс — один на миллион.

— Но если получится... — его глаза загорелись. — Стать сильным, как медведь, быстрым, как леопард... Никогда не болеть. Не чувствовать голода. Они же почти бессмертны!

— Ценой потери человечности? — я скептически покачала головой. — Спасибо, не надо. Я предпочитаю остаться собой. Пусть и голодной, и слабой.

— Голодной? — Ксандер усмехнулся, но без злобы. — Ди, да ты понятия не имеешь, что такое настоящий голод. Ты живешь в доме управляющего городом. А вот мы с сестрами... — он махнул рукой. — Ладно. Неважно. Я бы рискнул. Ради них. Чтобы они никогда не знали, что такое сидеть несколько дней на травяном отваре и крапивном хлебе.

В его голосе не было жалости к себе, лишь суровая решимость. Именно за эту силу духа я его и ценила.

— А твой отец так ничего и не рассказал? — спросил он, меняя тему. — О том, куда их на самом деле увозят?

— Попробуй спроси у него самого, — я передразнила суровый взгляд отца. — Однажды я попыталась. Он посмотрел на меня своим «профессиональным» взглядом, и сказал: «Тебе беспокоиться не о чем, и это всё, что ты должна знать». Для нас эта тема — табу.

— Жутковато, — констатировал Ксандер.

— Не то слово. Но он прав в одном — мне бояться нечего. Я самая что ни на есть обычная. — Я вздохнула. — Иногда мне кажется, что твоя жизнь, даже с ее трудностями... лучше моей. У тебя есть семья, которая тебя любит. А у меня... есть статус, личная домработница, вечно отсутствующий отец и полный холодильник.

— Не завидуй тому, чего не знаешь, Ди, — мягко сказал он. — Поверь, сытый покой лучше голодной, но «любящей» жизни.

Подошла наша очередь. Ксандер уверенно шагнул к ска-

неру. Аппарат загудел, издавая легкий свет, а через секунду чиновник лениво бросил:

— Ксандер Вер. Восемнадцать лет. Обычный узор. Следующий!

Ксандер отошел, поймав мой взгляд, и облегченно подмигнул. Теперь был мой черед. Я глубоко вдохнула и шагнула вперед, к ослепительному свету сканера, мысленно повторяя, как мантру: «Я типичная. Я обычная. Меня не заберут. Мой отец важный человек в городе».

Отбор. Само слово звучало как приговор или лотерейный билет — в зависимости от того, кого спрашиваешь. Вся эта суета раз в году нужна для одного: заглянуть тебе в душу через глаза. Вернее, в радужку.

Мне как-то показывали картинку: эти все колечки, бороздки и крапинки. Выглядит как узор на дорогой ткани, только уникальный, как отпечаток пальца. У каждого свой, и он не меняется.

И вот ученые в белых халатах в этот самый день ищут в человеческих узорах что-то особенное. Какую-то одну-единственную неправильную завитушку среди миллионов правильных. Если камера ее выследит — всё. Тебя пакуют и увозят на том самом летающем шатле, который причаливает к куполу раз в год. Обратной дороги нет.

Куда? Зачем? Официально — стать Совершенным, жить богатой жизнью, спать на мягких кроватях и никогда не испытывать чувство голода. Ходят слухи, что избранным вка-

лывают какую-то вакцину, и они становятся... ну, идеальными. Сильными, умными, красивыми и бессмертными.

Я с раннего детства доставала отца расспросами о Совершенных, но он одним своим «взглядом управляющего» — тем самым, от которого у его подчиненных подкашиваются ноги — заставлял меня замолкнуть на какое-то время. Тема была закрыта фразой: «Тебе бояться нечего, и это всё, что ты должна знать».

В общем-то, он прав: меня-то уж точно не заберут. У меня самые заурядные карие глаза, с легким зеленоватым отливом, как у семидесяти процентов города. Я настолько типична, что могла бы быть лицом нашего скучного каталога «Среднестатистический житель Гринвуда». За все годы я ни разу не видела, чтобы кого-то из нашего города забрали за «уникальность». Обычно уезжают только добровольцы, да и тех — раз-два и обчелся.

А кто эти добровольцы? Обычно это те, кому терять уже нечего. Отчаявшиеся, загнанные в угол бедностью и голодом или просто ищущие приключений на свою голову. Им рисуют райскую картинку: «горы золотые», полный пансион и крышу над головой. На деле же ты становишься ходячим экспериментом для столичных умников. Звучит как плохой роман, да? Но находятся те, кто верит.

И что удивительно — в трех случаях это сработало. Три добровольца из наших городов под куполом стали Совершенными. Значит, гипотеза ученых не просто бред сумас-

шедшего? Они ищут что-то особенное в наших генах, что-то, что может слиться с животным началом. Первый парень получил ген Волка, второй — Льва, а третий, два года назад, стал Тигром.

Девушек-добровольцев, кстати, можно по пальцам пересчитать, и ни одна из них не стала Совершенной.

Если не считать случая до начала апокалипсиса, когда обычная девушка приняла гены Леопарда и стала Пантерой. Как это получилось? Почему она стала именно Пантерой? Каким образом девушке удалось выжить? Эти вопросы оставались без ответов уже много лет.

Я, конечно, люблю помогать людям, но нет уж, спасибо. Я не настолько отчаянная.

Единственная моя «уникальность» в том, что я дочь управляющего, а значит, мне не приходится, как большинству в этом городе, засыпать с мыслью, где раздобыть еду на завтра. И за эту привилегию я плачу жизнью в золотой клетке под пристальным взглядом отца. Правда ночью я выпархиваю Тенью из этой клетки и очищаю свою совесть, помогая другим.

Когда моя очередь подошла, и холодный свет сканера на секунду ослепил меня, я уже мысленно была дома. Ученый у монитора, не глядя, бросил заученную фразу: «Обычный узор. Следующий».

Вздых облегчения вырвался сам собой. Я отшатнулась от аппарата, чувствуя, как камень падает с души. Всё позади.

Теперь можно забыть об этом цирке и думать только о том, как вызволить Ночку. Я отошла в сторону, к стене, и прислонилась к прохладной поверхности, наблюдая, как остальные проходят ту же процедуру.

Отбор подходил к концу, и зал начал потихоньку пустеть. И вот тогда случилось то, от чего у меня кровь застыла в жилах.

Главные двери зала с глухим стуком распахнулись. Внутрь торжественным строем вошли несколько стражей Дозора Безмолвия. А между ними... между ними шла моя Ночка! Она жалобно поджимала хвост и пугливо оглядывалась, упираясь лапами в скользкий пол. И вел их мой отец. Его лицо было непроницаемой маской.

Что происходит? Сердце заколотилось с новой силой, предчувствие беды сжало горло.

Отец что-то сказал главному ученому, и тот кивнул, протягивая небольшой шприц с прозрачной жидкостью. Все замерли в ошеломленном молчании. Я видела, как сильные руки стража перехватили дергающуюся собаку, как ученый быстрым, точным движением ввел препарат ей в шею.

Ночка взвизгнула на короткое мгновение, а затем ее тело обмякло.

Что-то во мне оборвалось.

— Нет! — крик вырвался из самой глубины души. Я рванулась вперед, но чьи-то руки тут же схватили меня. — **НЕТ! ОТПУСТИТЕ ЕЕ! ОНА НИ В ЧЕМ НЕ ВИНОВАТА!**

Я билась и кричала, не помня себя. Злость, горячая и слепая, затопила меня. Я ненавидела отца за его предательство. Ненавидела Ксандера, который стоял бледный и не смел вступиться. Ненавидела этих бездушных ученых и всех, кто просто молча смотрел на это убийство.

— Как вы могли! — рыдала я, пытаясь вырваться. — Она была живая! Она была здоровая!

Мой истеричный вопль разносился по залу. И в этот момент раздался новый, металлический голос. Это говорил не человек, а усилитель Дозора.

— Внимание. За деструктивное поведение, нарушение общественного порядка и сокрытие возможно опасного для жизни животного, гражданка Диана Вуд принудительно зачисляется в список участников программы «Совершенство».

Я замерла, не веря своим ушам. По залу прошел гул голосов. Даже мой отец, эталон самообладания, сделал шаг назад, и его маска непоколебимости дала трещину — его глаза расширились от немого ужаса.

А я просто стояла, глядя в пустоту, пока леденящий ужас сменял в моей душе горящую ярость. Время замерло. Слова, прозвучавшие из усилителя, повисли в воздухе: «Принудительно зачисляется». Они не могли быть правдой. Это был какой-то кошмарный сон, порожденный адреналином и горем.

Я медленно перевела взгляд с бездыханного тельца Ноч-

ки на отца. И в его глазах, впервые за всю мою жизнь, я увидела не гнев, не разочарование, а настоящий, страх. Его рука произвольно дрогнула. Он не знал. Он не отдавал этого приказа. Это значило, что здесь, в этом зале, была власть выше его. И эта власть только что сломала его дочь, как сломали собаку.

Вокруг стояла гробовая тишина, нарушаемая лишь моим прерывистым дыханием. Все смотрели на меня — с жалостью, со страхом, с любопытством. А я чувствовала, как земля уходит из-под ног. Меня не просто лишили свободы воли. Меня приговорили к исчезновению. К тому, чтобы стать одним из них — идеальным, бездушным, как Лев, чье ледяное присутствие я чувствовала где-то позади.

Кто-то из Дозора грубо взял меня под локоть. Я не сопротивлялась. Во мне не осталось ни злости, ни сил. Только пустота, более страшная, чем любой страх. Пустота, в которой оставался лишь один вопрос: что они со мной сделают?

Мой взгляд упал на Ксандера. Он стоял, вжавшись в стену, его лицо было искажено таким ужасом и виной, что стало почти невыносимо смотреть. Наша дружба, наше детство, все наши споры и тайны — все это было растоптано и уничтожено в один миг.

Меня грубо развернули, и мой взгляд скользнул по залу, цепляясь за последние обрывки знакомого мира. Мы проходили мимо отца, и он пытаясь что-то сказать, шагнул ко мне, но страж Дозора беззвучно преградил ему путь. Власть гла-

вы города кончилась у порога этого зала.

Я своим яростным взглядом зацепилась за Совершенного. Он стоял все так же неподвижно, все так же безупречно. Но теперь его поза казалась не просто отстраненной, а оценивающей. Холодные, ясные глаза, которые до этого смотрели в никуда, теперь были прикованы ко мне. В них не было ни капли сочувствия или осуждения — лишь безразличный анализ, будто он изучал интересный эксперимент. Уголок его идеального рта дрогнул в едва заметном подобии улыбки. Или мне это показалось? В этом микроскопическом движении не было тепла, только тень какого-то ледящего душу понимания, недоступного простым смертным.

И в этот миг до меня дошла вся глубина моего нового положения. Его бесстрашие было не недостатком — оно было преимуществом. Таким же, какое ждало и меня. Меня переделают, сотрут, превратят в такую же идеальную, бездушную статую, стоящую в стороне, пока мир рушится. Если выживу, конечно.

Эта мысль возникла с новой силой, страшнее, чем вид мертвой Ночки и отчаяние в глазах отца. Я выдернула руку и, не помня себя, крикнула Совершенному через весь зал:

— Наслаждайтесь зрелищем? Скоро и я буду смотреть на мир вашими стеклянными глазами!

Лев не ответил, даже не моргнул. Но в его взгляде, обращенном на меня, промелькнуло незаметное одобрение. Будто мое несчастье был лишь подтверждением какой-то давно

известной ему истины. И пока меня уводили, последнее, что я увидела, был потерянный, беспомощный взгляд моего все- сильного отца. И тело моей маленькой, ни в чем не повинной собаки на холодном полу. Мир, который я знала, перестал существовать. И я сама стала его тенью.

Глава 4

Когда двери закрылись за мной, мир сузился до размеров маленькой, ослепительно белой комнаты. Четыре пары глаз уставились на меня. Трое парней, чуть старше меня, с горящими амбициями взглядами, и один старик с потухшим, покорным выражением лица. Я машинально плюхнулась на свободный стул, не видя и не слыша ничего вокруг.

В голове стоял густой, непроглядный туман. Слова «принудительно зачислена» отдавались глухим эхом, не находя выхода. Зачем я здесь? Что со мной будут делать? Мысли вязли, как в патоке, не складываясь в картину происходящего. У меня не осталось ни сил, ни воли. Я смотрела на белые стены и на чужих людей сквозь пелену слез, словно все это происходило с кем-то другим, а я лишь случайный свидетель.

У каждого из нас был свой личный страж. Мой встал позади моего стула — беззвучный, недвижимый, но его присутствие ощущалось физически, как ледяная точка между лопаток.

Мы просидели в гнетущей тишине минут двадцать, никто не приходил. После дверь открылась, и вошел тот же человек, что оглашал мой приговор. Его голос прозвучал механически, без интонаций:

— Процедура Отбора завершена. Сейчас вы проследуете

к шаттлу, который доставит вас в столицу. Там состоится общий сбор всех избранных.

Слово «избранные» резануло слух. Я не чувствовала себя избранной. Я чувствовала себя пленницей, которую ведут на эшафот. И где-то там, в столице, меня ждала судьба, стать такой же бездушной, как Лев, чей ледяной взгляд до сих пор прожигал меня насквозь. Нам показали карту рассадки в шатле, там были отмечены наши места. Мое имя было написано около окна, ведущий назвал его иллюминатором.

Медленная процессия из пяти «избранных» и безмолвных стражей двинулась по стерильному коридору к посадочной платформе. Шаттл, тускло серебрившийся под искусственным светом, напоминал гигантскую хищную личинку, готовую поглотить свою добычу.

Пока мы шли, тощий парень не выдержал и, наклонившись к своему коренастому напарнику, прошипел с азартом:

— Видал? Настоящий шаттл! Я в жизни только на картинках такие видел. Говорят, они за час до столицы долетают.

Коренастый блондин бросил тревожный взгляд на стража, шагавшего рядом, но никакой реакции не последовало. Он неуверенно кивнул:

— Да уж... Только что нас ждем дальше? Не поймешь ничего. И девчонка эта... — он краем глаза сверкнул в мою сторону, — ее чуть ли не силком притащили. Не к добру это.

— Какая разница? — тощий махнул рукой, первым под-

нимаясь по трапу в живот корабля. — Главное, что мы прорвались. Теперь наша жизнь по-настоящему начнется. А ее проблемы — ее проблемы.

— Начнется... — мрачно усмехнулся блондин, следуя за ним внутрь. — Надеюсь, ты прав.

Мы вошли внутрь, и я замерла на пороге. В небольшом салоне, в откидном кресле у дальнего иллюминатора, сидел Лев. Он не смотрел на нас, его внимание было поглощено видом за стеклом — серым ландшафтом Гринвуда под куполом. Но его присутствие заполнило собой все пространство, словно воздух стал гуще и давил на виски.

Парни, только что такие разговорчивые, мгновенно смолкли и застыли у своих кресел, не решаясь сесть. Даже стражи Дозора на мгновение замерли в почтительном бездействии.

Лев медленно повернул голову. Его взгляд, все такой же холодный и аналитический, скользнул по нашим испуганным лицам и на секунду задержался на мне. В его глазах не было ни презрения, ни интереса — лишь полное, абсолютное принятие происходящего.

— Садитесь, — произнес он. Его голос был низким и ровным, без единой эмоциональной вибрации, но от этого слова по спине пробежали ледяные мурашки. — Мы отправляемся.

Парни бросились рассаживаться, стараясь не смотреть в его сторону. Я машинально устроилась у иллюминатора на-

против, а два парня уселись рядом, продолжая свой приглушенный спор, но теперь их шепот стал еще тише и напряженнее.

— Видал? С нами летит... — прошипел тощий, украдкой кивая в сторону Льва.

— Молчи, — резко оборвал его коренастый, бледнея. — Слышал, что они могут?

Их голоса смешались с нарастающим гулом двигателей, но я уже не слышала их. Я смотрела на профиль Совершенного, на его безучастное лицо, отражавшееся в стекле иллюминатора. Это было мое будущее. Холодное, идеальное и бездушное. И от этого зрелища внутри рождалась тоска.

Рёв двигателей нарастал, превращаясь в оглушительный гул, который, казалось, вдавливал меня в кресло. Вся тяжесть мира вдруг обрушилась на плечи, грудь сжало невидимыми тисками. Дышать стало трудно. В ушах заложило, словно их заткнули ватой, и в панике я подумала, что это конец — мое тело не выдерживает перегрузок.

Но, бросив взгляд на парней напротив, я увидела, что они тоже бледнеют и зажимают уши ладонями, испуганно уставившись в иллюминаторы. Немного успокоило, что я не одна.

А за стеклом творилось нечто невообразимое. Защитный купол, эта серая пелена всей моей жизни, содрогнулся и медленно пополз в стороны, открывая щель ровно по размеру нашего шаттла. Сердце заколотилось чаще. Мы вырвались.

Нас выпустили.

И тогда я увидела не искусственные газоны Гринвуда, а бескрайнее море зелени. Настоящие деревья, высокие и раскидистые, и трава, такая густая, что, казалось, в ней можно утонуть. Я невольно ахнула, прижавшись лбом к прохладному стеклу. Это было прекрасно и пугающе одновременно.

Шаттл рванул вверх, и через мгновение мы нырнули в пушистую белую пелену. Облака. Они были совсем рядом, я почти чувствовала их влажную прохладу сквозь стекло. Глупая, детская мысль пронеслась в голове: «Я плыву на облаке!».

А потом мы взлетели выше. И я увидела яркий, ослепительный, живой шар, висящий на небе - Солнце. Не бледная имитация из проекторов, а настоящее светило, чьи лучи неслись сквозь пустоту и ударялись в наш иллюминатор. Мне показалось, что стекло должно быть теплым от солнечных лучей. Я протянула пальцы, чтобы почувствовать это тепло, но коснулась лишь ледяной поверхности.

И в этот миг я поймала на себе взгляд. По диагонали, через весь салон, на меня смотрел Лев. Его обычная отстраненность куда-то испарилась. В его глазах я снова заметила научный интерес. Так смотрят на редкий экземпляр в коллекции, на неожиданный результат эксперимента. Он наблюдал за моей реакцией, за моим неммым диалогом с солнцем, как будто видел в этом какой-то скрытый смысл. Я отвела глаза, но ощущение, что я подопытная мышь в клетке, больше не

покидало меня.

Один из парней напротив, тот что помоложе, не удержался и восторженно прошептал:

— Смотрите! Настоящие реки! А вон те синие линии — это ведь океан?

Его сосед лишь молча кивнул, не отрывая взгляда от открывающейся панорамы.

Внезапно Лев поднялся со своего кресла. Его движения были удивительно плавными. Он прошел по салону и остановился рядом с нашим креслом.

— Первый раз видите незащищенную атмосферу? — его голос звучал ровно, но в нем появились едва уловимые нотки чего-то, похожего на любопытство.

Я кивнула, не в силах вымолвить ни слова.

— Вам повезло, — продолжил он. — Большинство жителей куполов никогда не увидят этого.

Один из парней осмелел и спросил:

— А вы... вы часто летаете? Между городами?

Лев повернул к нему свое идеальное лицо.

— Регулярно. Но это не туризм. — Его взгляд снова скользнул по мне. — Каждый из вас сейчас думает, что его ждет слава и сила. Но помните: стать Совершенным — значит принять величайшую ответственность.

Он сделал паузу, и в салоне повисла напряженная тишина.

— Завтра в столице вас ждут первые испытания. Не все их пройдут. — Его глаза встретились с моими. — Некоторые

не захотят.

Лев развернулся и вернулся на свое место, оставив нас наедине с тревожными мыслями. Парни перешептывались, а я не понимала, что последней фразой он хотел сказать. Какие испытания нас ждут? Я вообще думала, что всю жизнь проживу в сером и мрачном Гринвуде, буду помогать бедным жителям по ночам, а днем изображать почти послушную дочь управляющего. Возможно, я бы так и делала каждый день своей жизни. Ни за что не хотела выйти замуж и тем более детей, как некоторые мои ровесницы. О какой новой жизни можно говорить в таком страшном мире? Неужели кому-то хочется беспокоиться каждый день о родном человеке и бояться, а не заразиться ли он вирусом? Не заберут ли его в день Отбора.

А теперь... Теперь всё перевернулось с ног на голову. Я не должна была здесь быть! Меня не должны были признать «избранной»! Если бы я не повела себя как наивный ребенок, не похвасталась своей находкой Ксандеру, Ночка была бы жива, а я... я бы сейчас готовилась к ночной вылазке, а не смотрела в иллюминатор на уходящую вниз землю.

Но сжимать кулаки и винить во всём себя, друга или отца — бессмысленно. Что случилось, то случилось. Никто не сможет это исправить. Однако одна мысль застряла во мне глубже страха и отчаяния: я хочу жить. И я не позволю им сломать себя так легко. Что бы ни готовила мне эта «новая жизнь», я не сдамся без боя.

Шаттл начал плавное снижение, и за окном проплыли очертания грандиозного города, окруженного мерцающим куполом. Ластрок. Столица, о которой я знала лишь по учебникам.

Ведущий поднялся и оглядел всех избранных:

— Внимание! Мы прибываем в столицу Ластрок, — его голос прозвучал как приговор. — Запомните: с этого момента ваша прежняя жизнь окончена. Вы — избранные. И ваша единственная задача — доказать, что достойны стать частью нового мира.

Парни тревожно переглянулись. Тощий спросил, стараясь скрыть дрожь в голосе:

— А что будет с теми кто не докажет?

Ведущий медленно обвел взглядом всех нас и промолчал на заданный вопрос. Понятно - нам конец.

Шаттл с мягким толчком приземлился. Двери с шипением открылись, впуская внутрь свежий воздух. Совершенный вышел первым, даже не оглянувшись. За ним, как тени, последовали стражи и ведущий. Старик плелся за мной и спросил:

— А разве нам не дадут времени попрощаться с близкими?

Мне было его действительно жаль. Бедный мужчина даже не понял, что мы уже в тысячах километров от своего прежнего дома, и мы уже туда никогда не вернемся. Я хотела ответить ему и как-то успокоить, но слова никак не шли на ум.

Тем временем один из замыкающих стражей Дозора грубо пихнул старика в спину, поторапливая.

За территорией шаттла нас ожидали люди в белых халатах. В их холодных, профессиональных улыбках не было ни капли тепла. Они смотрели на нас, как на образцы для изучения.

— Добро пожаловать в Ластрок, — произнесла одна из женщин, и ее голос прозвучал как скрежет металла. — Надеюсь, вы готовы служить прогрессу.

Я сжала кулаки. Готова? Нет. Но я готова бороться. За себя, за свою жизнь и за тех, кого мне, возможно, еще предстоит защитить.

Нас провели в просторный зал с зеркальными стенами, где царила неестественная тишина. Везде окружал белый глянец, голографические экраны и люди в стерильных костюмах. Нас построили в шеренгу. Впереди за столом сидела женщина с идеальной улыбкой, но глаза её были пусты.

— Поздравляю с прибытием, кандидаты, — её голос был сладким, как сироп. — Прежде чем пройти далее, необходимо пройти финальную дезинфекцию. Это стандартная процедура.

Она жестом указала на массивную стальную дверь с надписью «Санитарный блок».

— Внутри — пять кабин. По одному на каждого. Раздевайтесь до гола, сложите вещи в контейнер. Они будут утилизированы. После обработки вас обеспечат новой унифор-

мой.

В воздухе повисло напряженное молчание. Сдать все? Даже ту самую потрепанную фотографию, что тощий парень, которого звали Марк, всё это время украдкой поглаживал в кармане? Даже простенькие медные серьги, последнюю память о матери, которые я никогда не снимала?

Старик первым тяжело вздохнул и побрел к двери. Двое других парней, бледнея, послушно поплелись за ним, Марк замер, сжимая кулаки. Я чувствовала, как по спине бегут мурашки.

— Я... я не могу, — тихо произнес Марк. — Это фото... это всё, что у меня осталось от сестры.

Женщина за столом не переставала улыбаться.

— Личные привязанности — балласт прошлого, кандидат. Они вам больше не понадобятся.

— Нет! — Марк отшатнулся, прижимая руку к карману. — Вы не понимаете! Она умерла, когда...

Он не успел договорить. Из ниши в стене вышли двое стражей. Быстро и невероятно профессионально. Один обездвигил его, другой сделал укол в шею. Марк судорожно вздохнул, и его тело обмякло.

— Кандидат не прошел финальную стадию адаптации, — все так же сладко констатировала женщина, делая пометку в планшете. — К утилизации.

Стражи потащили его безвольное тело к другой двери, все заняло меньше минуты. Женщина перевела взгляд на меня

и оставшегося парня.

— Продолжайте. И помните, Совершенство не терпит слабости.

Я, не дыша, шагнула к зловещей двери. Что это вообще такое было? Проверка на то, готов ли ты позволить стереть себя в порошок? Видимо, чтобы выжить, мне придётся отдать им даже ту часть себя, которую я всегда считала самой главной.

Дверь в санитарный блок закрылась за мной с тихим щелчком, похожим на звук захлопывающейся ловушки. Комната оказалась крошечной, ослепительно белой и пугающе пустой. Если не считать слива в полу и душевой лейки на потолке. Воздух пах хлоркой с примесью чего-то металлического.

Сердце колотилось где-то в горле. Руки сами потянулись к застёжке куртки, но пальцы непослушно дрожали. Во внутреннем кармане все еще лежал смятый фантик от конфеты, которую я в прошлом году стащила со склада отца и тайком отнесла Китти, младшей сестре Ксандера. Она тогда сияла, как маленькое солнышко. Казалось бы - это пустяк, кусок бумаги, но для меня это что-то настоящее, доброе.

Глаза сами зажмурились, пытаясь отгородиться от этой стерильной реальности. Снаружи не доносилось ни звука. Что сейчас делает тот парень? Он уже сдался? А может, он, как и я, замер в нерешительности.

Мысль о том, чтобы добровольно отдать последние крохи

своего прошлого, вызывает физическую тошноту. Но я помню остекленевший взгляд Марка, когда его уносили. Помню слово «утилизация». Они стирают тех, кто не соответствует. Это все по-настоящему.

Делаю глубокий, прерывистый вдох, сняла куртку, затем свитер, джинсы, дорогие сердцу серьги. Вся моя прежняя жизнь грустной кучкой легла на холодный кафель. Еще секунда, и я бросила фантик в общую кучу своей прошлой жизни. Жгучие слезы подступили к глазам, но я сразу смахнула, не могу позволить им это увидеть.

Неожиданно холодные струи сильным напором полились на мое тело. Из струящейся жидкости я почувствовала запах дезинфектора, химический запах которого раздражал ноздри.

Также неожиданно струи прекратились. В стене напротив, напугав меня, автоматически открылось два отсека: в первом лежало белое полотенце, во втором сменная серая одежда и обувь. Спасибо, что не белая.

Когда я надела простую одежду, состоящую из футболки и свободных штанов и обула черные кроссовки, дверь открылась и мне предложили выйти из маленькой комнаты.

Я сделала шаг на белый кафель и увидела одетых в такую же серую одежду двоих парней и старика. В глазах у избранных Гринвуда я видела осознание всей серьезности у ребят.

Куратор также безэмоционально озвучил:

— Следуйте за мной.

Спустя пять минут ходьбы по белому коридору, провожающий нас мужчина повернулся:

— Мужчины — направо, женщины — налево, — прозвучал безразличный голос куратора. Прежде чем мы разошлись, он вручил каждому из нас небольшой серый мешок. — Ваш текущий набор, экономьте.

Заглянув в мешок на ходу, я увидела небольшой набор необходимых для выживания вещей: бутылка воды, с десятков плотно упакованных батончиков, минимум предметов гигиены и сложенная серая форма, идентичная той, что была на мне.

Женская комната оказалось точной копией казарм из старых учебников по истории: голые стены, холодный свет и два яруса коек, стоящих правильными рядами. Воздух пах пылью и отутюженным постельным бельем. Большинство коек пустовали, что подсказывало о том, как редко девушки проходили Отбор.

В помещении находились восемь девушек. Все в одинаковых серых одеждах, но с разными взглядами — в них читалась тоска, страх, а у двух, сидевших рядом, и вовсе горела ярость. Когда я вошла, на меня уставились все восемь пар глаз.

— О, смотрите, к нам новая игрушка прибыла, — язвительно бросила одна из хмурых девушек. У нее были коротко стриженные волосы и шрам над бровью.

— Оставь ее, Зора, — тихо сказала худенькая блондинка

с красными от слез глазами. — Ей и так несладко досталось.

Промолчав, прошла к самой дальней кровати у стены и села на жесткий матрас. Казалось, здесь можно было хоть немного отдышаться.

— Эй, новенькая, — снова обратилась ко мне Зора. — Из какого города? И за что тебя угораздило?

— Ее не угораздило, — вдруг сказала девушка с противоположной койки. У нее были умные, внимательные глаза. — На ней нет добровольческого знака. Значит, избранная. Как и мы.

В комнате повисла напряженная тишина.

— Из Гринвуда, — наконец выдохнула я. — И да, меня... забрали принудительно.

Зора фыркнула:

— Не повезло тебе. А мы вот сами пришли, добровольно. — Она с вывозом посмотрела на меня, словно я была ей соперницей.

— Не все, — тихо возразила блондинка. — У меня семья голодала. За добровольцев платят хорошие деньги вперед. — Эта новость оказалась для меня новой, никогда ни о чем подобном не слышала.

Вдруг дверь распахнулась, и на пороге появилась женщина в форме стражей, но без маски:

— Тишина! Отбой через пятнадцать минут. Завтра в пять утра состоится первое испытание. Советую набраться сил. — Ее взгляд скользнул по нам с ледяным презрением. — Если,

конечно, хотите выжить.

Дверь захлопнулась также резко. Я медленно легла на койку, глядя в серый потолок. Вокруг слышались приглушенные всхлипывания и нервное перешептывание. Желудок сводило от голода — я не ела с самого утра, еще до Отбора. Краем глаза я заметила, как другие девушки, не сговариваясь, достают из своих вещмешков батончики и быстро съедают их, пряча обертки под матрасы. Я последовала их примеру, порывшись в своем мешке, достала один батончик и быстро, почти не жуя, проглотила его. Он был безвкусным, как опилки, но на удивление сытным. Рука сама потянулась за вторым, но я остановила себя. «А что, если это все на несколько дней?» — пронеслось в голове. Я засунула батончик обратно, чувствуя, как сжался голодный спазм. Запас теперь был важнее сиюминутной сытости.

— Эй, гринвудская, — тихо позвала меня девушка с умными глазами с соседней койки. — Как тебя зовут?

— Ди, — так же тихо ответила я.

— Я Лина. Держись, — она горько усмехнулась. — Похоже, нам предстоит стать подругами по несчастью.

Я закрыла глаза. Казарма, новые лица, испытания... Все это казалось чужим кошмаром. И в этом аду, возможно, найдется место если не для дружбы, то для взаимовыручки.

Лежа в темноте, я прислушивалась к ночным звукам казармы. Чей-то прерывистый сон, тихие всхлипывания, скрип кровати. В голове прокручивались события: безжизненное

тело Ночки, испуганное лицо отца, холодные глаза Льва. Думала, что не смогу заснуть, но все сегодняшние события дня оказались очень стрессовыми для меня — я отключилась, едва голова коснулась подушки.

Из сна меня вывела необъяснимая тревога, всё тело резко напряглось. Годы ночных вылазок Тенью не прошли даром: инстинкты сработали раньше сознания. Я резко подскочила с кровати и обомлела.

Прямо передо мной, с другой стороны кровати, стояла Зора. В ее руке поблескивал короткий, острый нож. Её лицо было искажено слепой яростью, а в глазах пылала ненависть, которую я не могла объяснить.

Она с гневным рыком перепрыгнула через кровать, направляя лезвие прямо в меня. Но моё тело уже действовало само — ловкость и маневренность, отточенные во время ночных побегов по крышам, позволили мне увернуться. Я отскочила назад, сердце колотилось где-то в горле. Страх был, но странным образом он не парализовал, а обострял чувства.

Я не умела драться. Я умела только бегать, уворачиваться и прятаться. И была готова делать это всю ночь, изматывая девушку, собравшуюся меня убить. Но всё закончилось так же внезапно, как и началось.

Дверь в казарму с грохотом распахнулась, залив помещение ослепительно ярким светом. Зора замерла, а затем с невероятной скоростью сунула нож за пояс. Её лицо мгно-

венно преобразилось — теперь на нём была маска испуганной, невинной девушки.

— Всем встать! — проорала женщина-куратор, её взгляд скользнул по сонным девушкам, которые не могли понять, что здесь происходит. Уже подъем или внеплановый осмотр.

Когда все девушки поднялись со своих кроватей, еще шатаясь ото сна, женщина хрипло пробасила, холодно улыбаясь.

— Поздравляю, — её голос прозвучал на всю комнату. — Вы только что прошли очередное испытание.

Она обвела взглядом нас, уже проснувшихся и перепуганных девушек.

— Каждой из вас в рюкзак был положен нож. Мы хотели посмотреть, проявит ли кто-то из вас немотивированную агрессию. Совершенные должны быть оружием, направленным против угроз извне, а не против беззащитных людей.

Она кивнула стоявшим за спиной стражам, они быстро подошли к Зоре. Та отшатнулась, её глаза расширились от ужаса.

— Нет! Подождите! Я просто... я...

Но укол в шею лишил её дара речи. Её тело обмякло и бесшумно рухнуло на пол. Его тут же унесли.

— Пусть этот урок запомнится всем вам, — холодно сказала куратор, прежде чем выйти.

Дверь за ними закрылась, и в казарме повисла гробовая тишина, нарушаемая лишь чьими-то сдавленными всхлипа-

ми. Мы стояли и смотрели друг на друга — шокированные, напуганные, не верящие в произошедшее. Одна из нас только что попыталась убить другую. И теперь её не стало.

Я медленно опустилась на свою кровать, всё ещё чувствуя ледяное прикосновение страха. В душе копошился единственный вопрос: почему? Почему Зора выбрала именно меня? Что я сделала? Нам даже не успели озвучить правила игры. Или она обо мне знала то, чего не знаю я, или она почему-то посчитала, что мы соперницы. Но вдруг здесь совсем наоборот. До подъема мне так и не удалось сомкнуть глаз. Хоть урок был жестким для всех девушек, я не была уверена, что на меня снова никто не набросится. Доверять нельзя никому.

— Она сошла с ума, — прошептала Лина, садясь рядом.
— Не принимай близко к сердцу.

— Но почему я? — так же тихо спросила я. — Мы даже не общались.

Лина потупила взгляд:

— Зора была добровольцем из Ластрока. Её семья жила в нищете, а она мечтала стать Совершенной, чтобы их спасти. Возможно, ты показалась ей угрозой.

— Но я же не...

— Здесь все — угроза, — резко прервала меня Лина. — Каждая девушка — это ещё один шанс для кого-то другого не пройти Отбор.

Глава 5

Утро началось с резкого звука сирены. Я вскочила с кровати, уже готовая к новому дню, хоть и сердце бешено колотилось. Дверь в казарму распахнулась, и на пороге появилась та самая женщина куратор с хмурым лицом.

— Подъем! Построение за две минуты! — ее командный голос поднял тех девушек, которые еще не подскочили от звука сирены.

Мы бросились приводить себя в порядок. Лина, встретившись со мной взглядом, тихо прошептала:

— Будь осторожна сегодня.

Мы выстроились в шеренгу. Воздух был густым от смеси страха и предчувствия неизбежного. Девушки стояли сгорбленные, одни кусали губы до крови, другие смотрели в пустоту стеклянными глазами. Перед нами, отбрасывая длинную тень, возникла куратор.

— Внимание, кандидаты, — её голос разрезал тишину. — С сегодняшнего дня у вас начинаются реальные испытания. — Как-будто до этого у нас не было двух предыдущих достаточно жестких испытаний. — У вас есть три дня. Три дня, чтобы доказать, что вы достойны войти в команду к одному из трех Совершенных.

Она обвела нас ледяным взглядом, выдерживая паузу для устрашения.

— Первый день — испытание на выносливость. Второй — на силу. Третий — на интеллект. За вами будут наблюдать Совершенные: Волк, Лев и Тигр. Они выберут к себе в команду самых лучших мужчин и женщин. Но первые три дня вы будете отбираться отдельно от мужского пола.

Она сделала очередную паузу, и в ней повис самый страшный вопрос.

— Те, кто не попадет ни в одну команду станут балластом. А балласт здесь не нужен, поэтому советую выкладываться на полную.

В наступившей тишине тоненький голосок одной из рыжеволосых девушек, которую звали Ильма, прозвучал особенно громко:

— А где остальные Совершенные? Леопард? Пантера? Куратор скривила губы в подобии улыбки.

— Леопард и Пантера не участвуют в Отборе. Они охраняют наш мир за пределами куполов, сражаются с реальными угрозами, а не нянчатся с новобранцами.

— А Медведь? Обезьяна? — не унималась Ильма.

— Медведь и Обезьяна были первооткрывателями данной сыворотки, и в момент новых опытов на себе не смогли выжить. — Ответила куратор, и ее голос впервые дрогнул, выдав что-то похожее на уважение или горечь. — Запомните: бессмертие — это миф для толпы. Смерть наступает даже самых сильных.

Значит, Совершенных всего трое, пронеслось у меня в го-

лове. Всего трое богов, которые решат нашу судьбу.

— А что будет после? — послышался другой голос. Это была высокая темноволосая девушка по имени Юта. — После того, как нас разделят по командам?

— У вас будет три недели на подготовку к главному испытанию. — куратор скрестила руки на груди. — Испытанию на выживание. Оно будет проходить за пределами купола.

По строю пробежал сдержанный ропот ужаса. За куполом. Там, где царят твари.

— Ваша задача за выделенную неделю выжить и ликвидировать как можно больше угроз, — продолжала куратор. — У добровольцев без особенностей есть шанс попасть в Дозор Безмолвия. Сытость, тепло, деньги для ваших семей. — Её взгляд тяжело уперся в меня и еще нескольких девушек. — А те, у кого в глазах нашли особенность, будут пробовать себя в роли Совершенных.

Женщина выдержала последнюю паузу, дав нам прочувствовать тяжесть ее слов. Поверить не могу, как я проживу неделю за пределами купола, где незащищенный мир кишит тварями, мутировавшие люди и животные, непонятных особей. Но пока волноваться рано, ведь надо сначала выжить и показать себя в эти три дня.

После туалетных процедур нас строем повели в столовую, где уже завтракали другие избранные парни. Их было не очень много, около тридцати человек. Видно было, как девушки искали взглядом своих знакомых из одного города.

Одна из девушек уже собралась броситься к худому молодому парнишке за дальним столиком, но наш куратор ее оставила:

— Не вздумай даже здороваться с кем-то из них до объединения в команды. — И девушка печально уронила голову на грудь. Скорее всего она почувствовала себя одиноко, и ей не хватало поддержки. Я немного отстала и присоединилась к ней, легонько сжав ее руку. Не говоря ни слова, мой безмолвный жест показал ей, что она не одна здесь одинока и напугана. Девушка кивнула мне и шепнула:

— Я Кира, — ее благодарная улыбка согрела меня. — Из Хейзела.

— Ди, из Гринвуда.

Я улыбнулась ей в ответ, и мы вместе направились к выделенному для девушек столу. На завтрак нам выдали по безвкусной питательной пасте и стакану воды. Интересно, Дозор Безмолвия и Совершенных кормят этой же безвкусной пищей? Откуда у тех берутся силы? Часть из девушек поморщились и отодвинули от себя тарелки с непонятной субстанцией, я и Кира решили поесть хотя бы это, зная, что силы на испытаниях нам понадобятся. Если бы нас хотели убить, сделали бы уже давно, а не через еду в столовой.

На удивление безвкусная пища оказалась очень питательной. Остальные посмотрев на нас, последовали нашему примеру. Возможно они подумали, что это еще одно испытание: кто не съест - утилизируем. Организаторы и такое могут.

— Говорят, сегодня с нами будет Волк, — с восторгом прошептала темноволосая Карла, поправляя свои идеальные локоны. — Он приезжал в наш Риверсити, и, девочки, он просто Бог!

— Ты что ж, — начала моя соседка по кровати, Лина, — из-за него сюда приехала.

— А что в этом странного? — пожала плечами Карла. — У Волка нет пары, а все мы знаем, что хотя все волки одиночки, но живут-то они стаями. И им важно найти свою пару, чтобы жить с ней до конца своих дней.

— Хочешь повторить опыт Леопарда с Пантерой? — уточнила с интересом Ильма. Видимо она была лучше всех подкована в истории Совершенных.

— А что там было? Расскажешь? — впервые подала свой голос скромная девушка, имени которой я не знала.

Но в это время к нам подошла наша суровая женщина-куратор и сказала, что время завтрака вышло. Мы покорно встали и последовали за ней.

По запутанной системе коридоров с постоянными ответвлениями нас привели в огромный зал, напоминающий древний римский атриум под открытым небом. Воздух здесь был каким-то особенным. Я с удовольствием вдохнула полную грудь этого чистого воздуха. Наш куратор зашла вместе с нами и еще восьми стражами. Этим присутствием они давали понять, что продолжают следить за каждым нашим шагом, и возможно оценивать наши силы будут не только Совершен-

ные, но и они.

В центре атриума нас ожидал Волк. Он был воплощением опасной грации. Высокий, с гибким мускулистым телом, затянутым в темную униформу, он казался высеченным из мрамора и тени. Иссиня-черные волосы были собраны в небрежный пучок, открывая лицо с резкими, но удивительно гармоничными чертами лица. Шрам над левой бровью придавал его облику суровости. Его пронзительные глаза, цвета горного льда - светились живым интересом, а на губах играла легкая, ободряющая улыбка.

— Доброе утро, девушки! - Его голос был глубоким и бархатным, он наполнял зал словно физическая волна тепла. — Меня зовут Волк, и сегодняшней день вы проведете рядом со мной. Мы проверим не силу ваших мышц, а силу вашего духа.

Карла тут же сделала шаг вперед, кокетливо наклонив голову:

— А как именно вы собираетесь проверять наш дух? — она заигрывающе улыбнулась.

Волк мягко улыбнулся в ответ, но в его глазах не было и тени снисхождения:

— Я решил разделить сегодняшней день на три важные части.

— Снова несколько испытаний, — вздохнула обреченно блондинка, подруга Зоры.

— Если вас что-то не устраивает, вас никто не держит.

Дверь вон там. — Волк кивком головы показал на дверь позади нас. Но все мы понимали, стоит нам выйти и мы станем тем балластом, о котором говорили.

— Замечательно! Раз мы все решили остаться, я продолжу. Первая часть будет состоять из индивидуального испытания. После небольшого перерыва у вас будет групповое задание. И завершающее - в течение пятнадцати минут мы будем общаться один на один, где я смогу лучше вас узнать и задать интересующие вопросы. У вас будет право только на один вопрос. Подумайте хорошо, какой именно вопрос вы хотите задать.

А это очень даже приятный бонус. Получить ответ на свой вопрос, хоть и один, мне бы очень хотелось. Пока я не стала тратить свои ресурсы на обдумывание вопроса, а решила сконцентрироваться на двух первых испытаниях.

Волк пригласил нас подойти к массивной стальной двери. — Выносливость — это не только про мышцы, — его голос гремел под сводами зала. — Это про то, сколько ваша воля может гнуться, не ломаясь.

Волк привел нас к небольшой двери, в котором оказался еще один тренировочный комплекс, где среди искусственных скал и переправ были натянуты восемь прочных канатов над бурлящим искусственным потоком. Вода, скорее всего, не была глубокой, но мощные струи и острые пороги делали падение крайне неприятным и болезненным.

— На этих канатах — ваши сферы, — голос Волка прока-

тился над шумом воды. — Нужно добраться до конца каната, снять сферу и вернуться с ней тем же путем. Кто упадет — проиграл. Кто вернется без сферы — проиграл. Время ограничено. По моему сигналу все одновременно начинают.

Он не назвал временных рамок, что заставляло нервничать еще сильнее. Девушки заняли позиции у канатов, каждая выбрала себе путь. Карла, уверенная в своей физической форме, встала у одного из сложных маршрутов — канат был тоньше, а течение под ним — быстрее. Лина выбрала путь попроще, но длиннее. Мне достался самый сложный маршрут — тонкий и длинный канат. Сама конструкция состояла из нижней и верхней части, то есть ноги должны передвигаться по нижнему канату, а руками перебирать и держать равновесие за верхний канат на уровне груди.

— Начинаем! — прогремел Волк.

Все восемь девушек ринулись вперед. Карла сразу попыталась пройти канат быстрыми, уверенными шагами, но на середине канат закачался, и она, взвизгнув, едва удержала равновесие, замедлив ход. Другие двигались медленнее, но осторожнее.

Я же не побежала и вспомнила свои ночные переходы по шатким карнизам и узким трубам в Гринвуде. Я ступала на канат не как на препятствие, а как на знакомую дорогу. Мои шаги были легкими, скользящими, тело расслабленным и пластичным, как у Тени, которой я когда-то была. Я не боролась с раскачиванием каната, а использовала его, позволяя

инерции помогать мне.

Я обошла двух девушек, которые, сосредоточившись на скорости, чуть не падали при каждом порыве ветра. Одна из них, была самой высокой и неуклюжей среди нас, не удержавшись, с криком шлепнулась в ледяную воду ниже, и ее бы унесло течением, но вовремя подоспевший внизу страж помог ей выбраться. Значит, какая-то подстраховка внизу есть.

Карла, увидев, что я ее обгоняю, попыталась ускориться, но ее спешка подвела — нога соскользнула, и она повисла на канате, с трудом перебирая руками.

Я же тем временем достигла конца каната. Сфера была прикреплена прочно, и чтобы снять ее, требовалось одной рукой удерживать равновесие, а другой — расстегнуть тяжелый карабин. Другие девушки боролись с этой задачей, раскачиваясь все сильнее.

Я, как когда-то раскладывала на подоконник подарки для бедняков, нашла точку опоры, оперлась грудью о верхний канат, освободив обе руки, и за считанные секунды справилась с замком.

С сферой в руке я развернулась и пошла обратно. Обратный путь был сложнее — одна рука была занята, да и силы начали сдавать. Ноги забились, пальцы немели от напряжения. Но я не позволила себе замедлиться, я снова стала Тенью — быстрой, тихой, невесомой. Я прошла над самой бурной частью потока, где две девушки, возвращавшиеся со сферами, не удержались и уронили свои сферы.

Я была третьей, кто достиг старта. Первой была Лина, выбравшая легкий путь. Второй — мускулистая девушка, бывшая подруга Зоры. Но я была единственной, кто прошел самый сложный канат и сделал это быстрее всех.

Я поставила сферу к ногам Волка. Дышала тяжело, руки дрожали, но я стояла прямо, смотря ему в глаза.

Он молча смотрел на меня несколько секунд, его обычная суровая маска смягчилась.

— А ты интересная, — произнес наконец Совершенный, и его голос был тише обычного, почти задумчивым.

Он отвернулся, чтобы принять сферы у остальных девушек.

Пока остальные проходили испытание, я села на небольшой искусственный камень, и думала, где могу найти воду, чтобы утолить свою жажду. И вовремя заметила, как около нашего куратора организовался стол с водой и съедобными батончиками, которые нам положили в первый день в серый мешок. Я оглянулась на Волка, который был сосредоточен прохождением испытания. Потом посмотрела на Лину, которая также бросала взгляд на спасительную воду, но также не решалась подойти и взять ее.

Мы решили не гневить Совершенного, от которого возможно зависит судьба и подождать окончания испытания. И судя по всему, правильно сделали. После того, как Ильма последняя принесла свою сферу, нам разрешили подойти к столу и перекусить. Также нам разрешили отдохнуть тридцать

минут перед началом следующего испытания.

Глава 6

Спустя отведенное время на отдых, Волк снова пригласил нас к очередной двери для прохождения группового испытания.

Легким движением руки дверь открылась, и нас окутала волна невыносимой жары. В новой куполообразной комнате находилась круглая арена, раскаленная докрасна системой подземных печей. В центре арены на шестах висели восемь металлических сфер.

— Правила просты, — сказал Волк, оставаясь в прохладном коридоре. — Достать сферу и принести ее мне. Испытание длится до тех пор, пока все сферы не будут доставлены. Сферы горячие, но не обжигают.

Решимость в глазах девушек таяла на глазах. И только Карла хотела показать себя с лучшей стороны.

— И небольшое уточнение: испытание вам необходимо проходить босиком.

Я заметила, как Лина хотела что-то возразить, но вспомнив, про “спасительную” дверь сильнее сжала губы от досады.

Когда все девушки разулись и выстроились у входа в жаркую комнату с испытанием, Волк громко дал команду:

— Начали!

Первой ринулась Карла. Едва ступив на раскаленный пол,

она вскрикнула и отпрянула. Пол был болезненно горячим, но не обжигал кожу — ровно настолько, чтобы причинять постоянную мучительную боль.

Другие девушки медленно побрели вперед, лица их искажались от дискомфорта. Лина, стиснув зубы, добралась до первой сферы и с облегчением выбежала обратно.

Я сделала глубокий вдох и шагнула на арену. Каждый шаг отзывался ноющей болью в ступнях. Я добралась до ближайшей сферы, металл был действительно очень горячим, его больно было держать.

Вернувшись к Волку, я отдала ему сферу. Его взгляд скользнул по моему лицу, заметил напряжение, но в ответ просто кивнул, принимая сферу.

Лина, принеся первую сферу, уже стояла около Совершенного в прохладном коридоре и наблюдала, как остальные шесть девушек борются с жаром в ногах, а Кира и Ильма не продвинулись и на половину до сфер.

Блондинка, та что была подругой Зоры, тоже успешно схватила сферу и молниеносно побежала с трофеем к Волку. Он кивком принял подношение и принялся наблюдать за остальными. Девушка также осталась стоять рядом со мной и Линой. Остальные пять девушек безуспешно прыгали с одной ноги на другую и боялись продвинуться дальше. Чем ближе к сфере приближаешься, тем горячее становится пол.

Я вспомнила слова Волка в самом начале - это групповое испытание. И оно закончится только тогда, когда все восемь

сферы будут доставлены. Но не уточнялось, что каждая из нас обязана принести свою сферу. То есть теоретически я могла избавить девушек от тяжелого испытания.

Составляя эту логическую цепочку, я посмотрела на Волка и не могла найти ответа на свой вопрос: могу ли я пойти и принести сферу за девушек, даже если я уже принесла свою.

Волк лишь заинтересованно наблюдал за мной, и кажется, понял, что я хочу сделать. Но никак не отреагировал на это. Я развернулась и снова пошла на арену. Догнав Киру и Ильюму, я им приказала:

— Возвращайтесь! Ваши сферы я заберу сама.

Мои заплаканные подруги по несчастью поторопились вернуться на холодный пол.

Две сферы было невозможно нести за один раз, поэтому пришлось сбегать за ними в два захода. Если честно, я не ожидала, что ноги будут так печь, словно на раскаленных углях.

Пока я делала работу за девочек, на меня с особой мольбой смотрела еще одна худенькая блондинка, которая в день моего прихода в комнату попросила Зору отстать от меня. И я решила помочь и ей тоже. Кивком головы я показала ей на спасительный выход, а сама побежала за четвертой сферой.

Карла, стартовавшая первой, также принесла свою сферу одной из последних. Она жалобно скулила, пытаясь охладить ноги о холодный пол.

А мое испытание становилось с каждым разом невыноси-

мее. С каждой сферой жар в ногах становился все невыносимее. Я уже не шла, а почти ползла, сосредоточившись только на одном — сделать следующий шаг.

На четвертой сфере я чуть не рухнула. Ноги горели, в висках стучало, а сфера в руках казалась раскаленным углем. Я замерла на середине арены, не в силах сделать ни шагу.

— Сдавайся, — донесся до меня голос Карлы из безопасной зоны. — Ты итак уже последняя. Зачем надрываться?

Но тут я услышала другой голос.

— Боль — это граница, — сказал Волк, глядя прямо на меня. — Тот, кто может отодвинуть свою границу — непобедим.

Он говорил, как учитель, наставник, и его слова влили в меня новые силы. Собрав всю свою волю, я сделала шаг. Потом другой. И донесла сферу.

Мои ноги подкосились, но прежде чем я упала, мощная рука Волка подхватила меня.

Я видела, как он хотел что-то сказать мне, но просто тихо прорычал мне на ухо, или мне только показалось. Совершенный с грохотом закрыл дверь в жаркую комнату, и девушки разом все выдохнули. Кто-то продолжал корчиться от боли, кто-то тихонько плакал. А я боялась посмотреть на свои ступни, мне казалось, что там не осталось живого места.

Волк медленно прошелся взглядом по нашим покрасневшимся лицам, и его ледяные глаза на мгновение задержались на мне.

— Это было групповое испытание, — его голос прозвучал весомо, заставляя каждую из нас внутренне подтянуться. — И вы могли помочь друг другу. Суть была не в том, чтобы просто забрать свою сферу, а в том, чтобы убедиться, что вся команда достигла цели. Когда вы окажетесь за периметром, от вашей способности прикрыть спину товарища будет зависеть ваша жизнь. Один в поле — легкая добыча.

Он сделал паузу, давая нам осознать сказанное.

— Спасибо тем, кто слушал внимательно. Остальных прошу впредь быть собранные.

Я почувствовала, как напряжение спадает с моих плеч. Он не стал выделять меня персонально, не поставил в неловкое положение перед другими. Девчонки и так поняли свою ошибку, на их лицах читались досада и осознание. Ильма и Кира украдкой кивнули мне с благодарностью, а Юта послала робкую улыбку.

— Теперь возвращайтесь в комнату, — Волк жестом указал на дверь. — Через три часа я буду ждать здесь каждую из вас на персональное общение.

Когда мы шли по коридору, Карла, проходя мимо, бросила сквозь зубы:

— Не думай, что ты особенная. Просто повезло.

Но ее слова никак меня не задели. Боль в ногах затмевала любое действие, и я только мечтала оказаться в комнате, чтобы внимательно осмотреть свои ступни. Подходя к дверям женской комнаты, мой страж Дозора сильно приблизился ко

мне, я хотела отстраниться, но каждый шаг приносил мне невыносимую боль. Голова стража смотрела вперед, а его рука незаметно вложила что-то мне в руку. Это был небольшой тюбик, который я приняла и спрятала в руке, не рассматривая. До сих пор не знала, умеют ли говорить стражи, потому что никогда не слышала их разговор.

В суете, когда девушки ропща заходили в узкую дверь комнаты по очереди, а стражи выстраивались в шеренгу у стены, я решила задать вопрос своему стражу:

— Это лечебная мазь?

Страж кивнул.

— Для ног?

Снова кивок.

— От кого?

Никакого ответа не последовало. Не важно, главное, у меня есть возможность полечить свои ноги хоть чем-то. Надеюсь, что эта мазь очень действенная, потому что тюбик был очень маленьким, едва хватит на две ноги, но я постараюсь ее расходовать экономно.

Глава 7

В душевой не было ни уединения, ни покоя. Девушки толпились под струями воды, обсуждая испытания и строя планы, как привлечь внимание Волка на сегодняшней беседе. Мне необходимо было уединиться, чтобы тайно нанести на ступни переданную лечебную мазь.

Моя кровать в дальнем углу, в момент, пока все были в душевой, казалась единственным убежищем. На всякий случай я натянула одеяло до колен, прикрыв обожженные испытанием ноги, и под его плотной тканью осторожно выдавила прохладную мазь на ладонь. Прикосновение к коже было мгновенным облегчением, будто погасили невидимый огонь. Мазь впитывалась почти сразу, оставляя лишь легкое ощущение прохлады. Я с облегчением закрыла глаза, чувствуя, как боль отступает, уступая место приятной тяжести.

Вокруг царило оживление. Девушки, стиснув зубы от усталости, всё же сушили волосы, поправляли униформу. Шепотки о том, какой вопрос задать Совершенному, сливались в настойчивый гул.

— Я хочу спросить подробнее про его способности, как, интересно, он превращается в Волка? — Пытаясь придать форму своим непослушным локонам, сказала Ильма.

Карла также решила рассказать вслух свой вопрос, а я сквозь полудрему слушала их странные варианты:

— Я хочу уточнить, будет ли он сопровождать нас на финальном испытании? Или лучше спросить, будет ли он нас обучать следующие три недели? Или лучше спросить, какие качества он ценит, чтобы попасть в команду именно к нему?

— А мне кажется, каждой из нас надо задать вопрос про выживание на финальном испытании, — вступила в разговор Юта, скромная, но храбрая девушка.

Их голоса доносились до меня как сквозь вату. Я повернулась к стене, глуша посторонние звуки. Силы покидали меня, и каждая минута отдыха была на вес золота. Ужасные события в день отбора, бессонная ночь и тяжелые испытания на каждом шагу, выжали из меня все соки. Мне было необходимо отключить свой мозг и восстановить свое тело.

Конечно, я не полноценно ушла в сон, но эта пара часов добавила заряд бодрости моему телу. Ноги уже не горели, как сразу после испытания. К нам зашла женщина-куратор и собрала нас всех на обед.

В столовой нам не подали ничего нового: та же безвкусная и однообразная субстанция и стакан воды. В этот раз девушки не стали воротить нос, а набросились на еду без удовольствия, но с явным голодом.

После этого нас построили в шеренгу и повели вновь по лабиринтам коридора на третью часть первого испытания - беседу к Волку. Когда мы дошли до нужной двери, нам разрешили сесть на скамью прямо в коридоре. Правила были таковы: в том порядке, как мы сидим, будем заходить по од-

ной на беседу к Совершенному. Каждой будет выделено не больше пятнадцати минут.

Видно было, что все девушки, включая меня волновались: кто-то не хотел навлечь гнев Совершенного, кто-то боялся оставаться один на один, а кто-то, например, Карла, стремилась пойти первой. Но ей не повезло, она была третьей в нашей скромной шеренге.

Первой пригласили мощную и сильную Рут, ту самую блондинку добровольца. По ее фигуре и характеру было заметно, что она готовилась к этому отбору с ранних лет. Рут уверенно зашла в дверь с каменным лицом, а ее страж остался стоять снаружи в коридоре, то есть Рут с Волком сейчас находились один на один в комнате, и их беседа была полностью конфиденциальной.

Мы все начали напряженно ждать в полной тишине. Кира сидела рядом со мной, и я чувствовала как ее тело мелко подрагивает, то ли от холода, то ли от страха.

Почему-то я была расслаблена и совсем не волновалась. Возможно, меня вымотали сегодняшние испытания, возможно моя травма отнимала мои мысли, а не предстоящее общение с Совершенным.

Как и было озвучено, примерно через 15 минут вышла Рут. Её лицо, обычно непроницаемое, теперь выдавало легкое, едва сдерживаемое удовлетворение. Уголки губ были чуть приподняты, а плечи расправлены еще увереннее. Она молча прошла к своему месту, избегая взглядов, но по ее

осанке было ясно — беседа прошла более чем успешно.

— Ну? — не выдержала Карла, когда Рут оказалась рядом.

— О чем он спрашивал?

Рут холодно взглянула на нее.

— О том, что важно, — коротко бросила Рут и отвернулась, давая понять, что разговор окончен.

Карла сжала кулаки, а следующая в очереди была Юта, худая и бледная, заерзала на месте, испуганно глядя на дверь. Её дыхание участилось, и я не удержалась:

— Не бойся, — тихо сказала я ей. — Он не кусается.

Юта на меня так посмотрела, словно я сказала, что купол - это всего лишь иллюзия. Действительно, могла ли я знать, кусается ли на самом деле Волк или нет. А вот Ильма, которая стояла сразу после Карлы, видимо мысленно прибавила себе еще один из возможных вопросов.

Юта, Карла и Ильма - все выходили ровно через пятнадцать минут с довольными лицами. Да что такое они там обсуждают, если за пятнадцать минут они выходят такими счастливыми, словно им уже было обещано место в команде.

Пришла моя очередь, а в голове ни единой стоящей мысли, какой же вопрос задать. Когда я поднялась со скамьи и направилась к двери, которую уже приоткрывал для меня мой страж, я поняла, что сердце начало биться быстрее, но не из-за страха, а из-за любопытства и азарта.

Я вошла в комнату, и дверь бесшумно закрылась за моей спиной. Помещение было небольшим и аскетичным: два

кресла, разделенные низким столом и больше ничего. Волк сидел, откинувшись на спинку кресла, его могучее тело казалось более массивным в тесном пространстве.

— Диана, присаживайся, — его яркие глаза изучали мое лицо. — Что желаешь к чаю?

Я замерла на полпути к креслу. Я не ослышалась? Не такого вопроса я ожидала.

Боль в ступнях напомнила о себе, когда я опускалась в кресло.

— Спасибо, я не голодная. — Вежливо отказалась я, хоть и очень скучала по тем редким сладостям, что иногда водились у нас дома. Я просто хотела скорее закончить очередное испытание и спокойно поспать.

Волк довольно кивнул, словно знал, что я откажусь.

— Хочу кое-что тебе показать.

С этими словами он с грациозной легкостью поднялся с мягкого кресла и подошел ко мне. Обошел мое кресло сзади, пока я оставалась сидеть напряженно и смотреть ровно перед собой, Волк наклонился ко мне и я почувствовала его дыхание у своего правого уха. Такая близость меня пугала, но я старалась не подавать виду.

— Видишь это место? — его палец скользнул по собственному запястью. — Если ты хочешь выбить из колеи самого Льва, тебе достаточно будет лишь провести своим пальцем по запястью его любой руки.

Я не выдержала и повернула голову направо, чтобы встре-

титься взглядом с Волком.

— Я смогу ему навредить?

— Навредить Совершенному невозможно, — тихо рассмеялся Волк, — но поверь, Лев этого совсем не ожидает. Это его маленькая слабость.

Я неловко опустила взгляд на свои колени, так как мне было непривычно видеть так близком ледяные нечеловеческие глаза Совершенного.

— Я всего лишь предлагаю тебе помощь, — Волк медленно отстранился, и дышать сразу же стало легче.

— Вы всем девушкам до меня это подсказали?

— Нет, с остальными девушками я пил чай с десертом.

— Почему вы помогаете мне? — выдохнула я, наблюдая как с такой же легкостью, Волк уселся обратно на свое кресло.

— Потому что мир нуждается в таких, как ты. Не дай Льву сломать тебя.

Я снова замерла, не зная, как воспринимать его слова.

— Ты уже воспользовалась мазью?

Мои глаза загорелись, и я чуть не подскочила на месте:

— Так это были вы?

Волк лишь пожал безразлично плечами, словно это сушая мелочь.

— Да, я воспользовалась мазью, спасибо вам большое!

Я опасливо обернулась на дверь, боясь, что нас может кто-то услышать.

— Было бы неразумно бросить тебя в таком состоянии. Лазарет вам можно будет посещать только, когда вы станете участниками команд. До этого времени вам необходимо себя беречь.

Я согласно закивала, понимая еще одну подсказку с его стороны - не калечить себя, пока не закончатся эти три дня. Волк показал кивком головы на дверь, дав понять, что наше время вышло, и я могу выходить.

— Подождите, но как же мой вопрос, который я могу задать вам?

— Птичка, ты уже задала три вопроса, и на все три я ответил, хотя это было совсем не по правилам игры.

Сгорая от стыда за свою невнимательность, я направилась к выходу. Хоть у меня и не было подготовленного вопроса, я ничего не потеряла, только корила себя за то, что была так невнимательна в диалоге.

— И последнее, — добавил Волк вдогонку, когда я уже подошла к двери, — все, что было сказано здесь - конфиденциально.

— Можно было и не говорить. — Я потянулась к ручке двери, но не выдержала и все-таки задала этот вопрос, — А вы кусаетесь?

Волк улыбнулся самой широкой своей улыбкой, обнажая клыки. И я поняла, что это было также глупо с моей стороны. Волк с клыками! Конечно кусается! Это же его вторая сущность. Глупая, глупая Диана.

Я выходила в коридор с красным от стыда лицом, виня себя за свою несдержанность и наивность, а девочки наблюдавшие за мной, скорее всего, подумали совсем о другом.

Я вернулась на свое место на скамье, стараясь не встретиться ни с чьим взглядом. Пока оставшиеся три девушки по очереди исчезали за дверью кабинета, я пыталась осмыслить полученную информацию.

Если Волк раскрыл слабое место Льва, значит на силовом испытании можно этим воспользоваться. Мысль сама по себе казалась безумием. Какое нужно иметь смелость или безрассудство, чтобы приблизиться к одному из Совершенных? И не просто приблизиться, а прикоснуться к нему, да еще и в уязвимом месте?

На автомате я дошла до своей койки в углу. Привычным движением натянула одеяло до колен и достала спрятанную мазь. Прохладный гель мгновенно облегчил жжение в ступнях. Я закрыла глаза, погружаясь в полудрему, но мысли продолжали крутиться в бесконечном хаосе.

Почему Волк мне доверился? Что он хочет получить взамен? И главное — смогу ли я решиться на его совет?

Спасительный сон накрыл меня волной, унося прочь и боль в ногах, и тревожные мысли. Последним осознанным ощущением было понимание, что завтрашний день потребует от меня не только физической силы, но и невероятной смелости.

***

Как оказалось, смелость сегодня мне не понадобится. День начался с неожиданного объявления: испытания будут на интеллект.

— Погодите, — решительно шагнула вперед Рут, — вы же говорили, что второй день - это испытания на силу. — Девушка сложила свои руки на груди, и мышцы у нее напряглись, словно она всю жизнь занималась тяжелой работой.

— Правила игры могут меняться в любую минуту. — холодным голосом парировала куратор, — Более того, я могу любую из вас отправить в утилизацию, — ее взгляд скользнул по нашим лицам, и от этого мне захотелось спрятаться. — Вопросы?

Рут сжала кулаки, но промолчала, поняв что с персоналом этого ужасного Отбора лучше не шутить.

— Отлично! Раз вы уже закончили гигиенические процедуры и позавтракали, прошу следовать за мной. В коридоре около входа в нашу комнату уже выстроились наши стражи, готовые сопровождать нас к следующему Совершенному.

Как и ожидалось, сегодняшнее испытание будет проводить Тигр. Увидев этого Совершенного, мой рот автоматически открылся от увиденного: большая мощная фигура стояла посередине небольшого зала, сложив руки на груди. Безупречные черты лица, как и у любого Совершенного, дополняли рыжие волнистые волосы до плеч. Такого цвета волос я никогда ни у кого не видела. Неужели такое возможно?

Несложно было представить, что этот парень Тигр.

Совершенный, не представляясь, жестом попросил нас подойти к массивному металлическому столу, на котором лежали... наручники.

— Испытание простое, — его голос был глубоким и бархатистым, но в нем чувствовалась скрытая мощь. — Надеваете их и входите в лабиринт. — Тигр кивнул на огромную дверь за своей спиной, которая с тихим шипением начала открываться, обнажая вход в темный, похожий на пещеру проход. — Ваша задача — снять наручники и найти выход, на это у вас один час. После истечения времени, испытание закончится для всех, а замок на наручниках автоматически откроется.

В воздухе повисло недоуменное молчание. Снять наручники? Разве это испытание для ума?

— А в чем подвох? — первой нарушила тишину Карла, почувствовав на себе тяжелый взгляд Тигра. Возможно ей было все равно какому Совершенному она понравится, поэтому заигрывала с каждым из них.

Уголок губ Тигра дрогнул в подобии улыбки.

— Подвох в том, что замок — не механический. Он реагирует на вашу биоэлектрическую сигнатуру. Чем больше вы напряжены, чем сильнее бьется ваше сердце от страха или гнева — тем прочнее он смыкается. Паника — ваш главный враг. Чтобы открыть замок, нужно максимально расслабиться.

Никто не хотел первым подходить к столу.

— Прошу. — Совершенный, стараясь как можно мягче пригласил нас надеть наручники.

В этом нам помогли наши стражи. Они молча надели наручники на каждую из нас. С легким щелчком замки зафиксировались, холодный металл неприятно прижался к коже. Я сразу почувствовала, как они стали чуть теснее, едва мое сердце отозвалось стуком на приступ страха.

Одновременно все девушки зашли в лабиринт. Он встретил нас полной темнотой и влажным, спертым воздухом. Стены, казалось, были живыми — они мягко пульсировали, а с потолка свисали липкие нити, похожие на паутину. Через несколько шагов лабиринт разветвлялся.

— Разделяемся! — скомандовала Рут, и девушки, разбившись на группы, ринулись в разные проходы.

Я осталась одна, но это было сознательное решение, мне нужно было сосредоточиться. Прикрыла глаза, стараясь не обращать внимания на мерзкую паутину, цепляющуюся за волосы, и на давящую тесноту коридоров. Я вспомнила все, чему научилась за годы ночных вылазок в Гринвуде: двигаться бесшумно, дышать ровно, слушать себя. Расслабление — ключ.

Шла медленно, игнорируя доносящиеся из других коридоров крики раздражения и отчаяния, сосредоточившись на ощущениях в запястьях. Как только я ловила себя на

учащенном сердцебиении, останавливалась, делала глубокий вдох и представляла себя на своей любимой крыше, под холодными звездами. Металл послушно ослаблял хватку.

Через двадцать минут блужданий я нашла первую подсказку. На стене, в светящемся грибке, был выложен символ — спираль, закручивающаяся внутрь. Я потянулась к ней, и наручники на мгновение стали совсем свободными. Это был знак. Я шла дальше, отыскивая такие же символы.

Внезапно из бокового прохода выбежала Карла. Ее лицо было искажено яростью, а наручники впились в ее запястья так, что выступила кровь.

— Не поддаются! Проклятье! — выкрикнула она, с силой дергая руками.

Я хотела ей помочь, подсказать, но она, не слушая, умчалась в темноту. Ее паника была ей врагом, но она все равно продолжала бороться со своими эмоциями.

Еще через двадцать минут я вышла в круглый зал. Хотя на мне не было часов, я интуитивно понимала сколько времени примерно прошло. В центре на пьедестале лежал ключ — такой же светящийся, как и символы, но вокруг него расходились пять лучей-коридоров. И над каждым висела табличка с вопросом.

«Что сильнее: страх смерти или надежда на спасение?»

«Можно ли пожертвовать одним, чтобы спасти многих?»

«Является ли порядок высшей формой свободы?»

Это были явно не просто вопросы, скорее всего это была

некая ловушка, и ответы могли очень сильно повлиять на ход испытания. Некая ловушка для разума.

Подошла к вопросу о порядке и свободе. Вспомнила Гринвуд, его душные правила и свой побег из них по ночам, порядок отца и воля Тени. Я протянула руку к табличке.

— Свобода — это ответственность, — тихо сказала я. — А не вседозволенность.

Табличка мягко засветилась, и проход открылся. Ключ оказался в моих руках, он был легким и небольшим. Приложила его к наручникам, и те сразу открылись. Как же сильно я была напряжена своим умом, контролируя свою каждую эмоцию, и это оказалось сложнее, чем я думала. Когда наручники больше не сжимали свои запястья, немного расслабилась, и мое сердце сделало кульбит от всего происходящего - мои эмоции возвращались на место.

Последний коридор вывел меня на свет. Совершенный с рыжими волосами ждал у выхода один, значит, я была первой. Тигр медленно подошел ко мне, его движения были плавными и бесшумными, как у настоящего хищника. Взгляд его ярко-желтых глаз был пристальным и тяжелым.

— Покажи, — коротко приказал он.

Я подняла руки, протягивая открытые наручники.

Парень на мгновение задержал взгляд на моих запястьях, словно пытаюсь разгадать какую-то загадку. Он повертел мою руку, изучая состояние кожи.

— Ни царапины, — заметил он, и в его голосе прозвучало

легкое удивление. — Большинство сдирают кожу до мяса, пытаюсь вырваться. — Его взгляд поднялся на мое лицо. — Ты не боролась с наручниками.

— Нет, — тихо ответила я, хоть вопроса и не прозвучало. — Я пыталась бороться с собой, со своими эмоциями.

— Умение подчинять себе обстоятельства ценится выше, чем умение их ломать, — сказал Тигр, позволяя наручникам упасть на пол с глухим стуком. — Запомни это.

Его фраза прозвучала, словно он был моим учителем и давал мне наставления. Как и первый Совершенный, Волк, который точно в таком же формате мотивировал нас.

Когда из лабиринта вышли остальные участницы, лишь у трех девушек, включая Лину, наручники были сняты. Остальные так и не смогли их открыть. Карлу вынесли на носилках, девушка в ярости билась о стены, пока наручники не свели ее с ума.

Я смотрела на бледные, испуганные лица девушек и понимала: испытание далось им нелегко. Очень сложно бороться с самим собой, особенно, когда попадаешь в незнакомые условия и ожидаешь худшего. В реальности в лабиринте не было монстров, нападений неизвестных, а только сама гнетущая его атмосфера давила на сознание, чтобы мы боялись и ждали подвоха. Чье-то сознание сыграло злую шутку, как это случилось с Карлой. И вновь в этом испытании мне помогла моя способность Тени в стрессовой ситуации подходить ко всему с холодной головой.

Громогласный голос Тигра заставил многих участниц вздрогнуть:

— Девушки, внимание! Это испытание было индивидуальным. Следующим вас ожидает групповое испытание. Пока Карла приходит в себя, у вас есть один час привести себя и свои мысли в порядок в своей комнате. Через час буду ждать вас здесь же.

Тигр слегка кивнул всем нам и разрешил нашему куратору и стражам проводить до своей комнаты. До сих пор неизвестно, зачем Дозор Безмолвия ходит с нами по коридорам по пятам. Неужели кто-то думает, что мы решимся убежать отсюда? Даже если по счастливой случайности одна из нас найдет выход из здания, то мы совершенно не знаем как устроен этот город, что находится за пределами этой тренировочной базы, куда нам податься после побега. Но стражники все равно продолжали следовать своим правилам.

Воздух в общей комнате сгустился до состояния взрывоопасной смеси. После утреннего испытания Тигра девушки вернулись изможденными, а некоторые доведенными до точки кипения. Постоянный страх, унижения и бессилие нашли выход в ярости.

Инцидент начался с пустяка. Юта, все еще дрожащими руками, пыталась расстелить на кровати одеяло, когда мимо нее, резко толкнув, прошла Карла.

— Смотри куда идешь! — крикнула Юта, ее обычно тихий голос дрожал от гнева.

Карла резко развернулась. Ее лицо, искаженное злобой, было похоже на разъяренную маску.

— Что? У тебя есть что сказать, слабачка? — она презрительно окинула взглядом худенькую фигуру Юты. — Ты в лабиринте чуть не разревелась от страха. Место твое — в утиле, а не здесь.

— По крайней мере, я не ломала себе руки в истерике, как некоторые! — выпалила Юта, указывая на забинтованные запястья Карлы.

Это было подобно спичке, брошенной в бензин. Карла с рыком бросилась на Юту. Они с грохотом свалились на пол, цепляясь друг за друга, как дикие кошки. Карла, будучи сильнее, быстро оказалась сверху, сжимая горло Юты.

— Я тебя задушю, дрянь!

Остальные девушки столпились вокруг, образуя живое кольцо, никто не вмешивался. В их глазах читалось странное возбуждение — будто они ждали этого, будто насилие было единственным оставшимся способом выпустить пар.

— Довольно! — резко крикнула я, пробиваясь сквозь круг. Я схватила Карлу за плечо и с силой пыталась оттащить ее от Юты. И в этот момент мне резко прилетел локоть Карлы прямо в глаз. Мгновенно посыпались искры из глаз, но я не ослабила хватку, а наоборот сильнее вцепилась. Карла повторно пыталась отвязаться от препятствия в виде меня, и снова заехала локтем в лицо, но я успела уклониться, тем не менее она попала мне в скулу и рассекла ее.

Карла, тяжело дыша, обернулась на меня, в ее глазах плясали бешеные огоньки. Юта, пользуясь случаем отскочила подальше и в центре круга остались мы вдвоем с Карлой.

— Тоже хочешь? — прошипела она. — Думаешь, раз Волк с тобой любезничал, ты тут главная?

В этот момент дверь с грохотом распахнулась. На пороге стояла женщина-куратор. Ее холодный взгляд скользнул по тяжело дышащей Карле и по моему рассеченному и кровоточащему лицу.

— Интересно. Вы тратите последние силы на борьбу друг с другом, вместо того чтобы готовиться к следующему испытанию. — Она сделала паузу, давая словам проникнуть в сознание. — И знаете что? — Она окинула нас ледяным взглядом. — Вы - двое, за мной.

Сердце упало, только не утиль. Я готова была терпеть любое наказание — голод, бессонные ночи, изнурительные тренировки, что угодно. Но только не утиль. Оттуда не возвращались.

Мы должны были быть командой. Но страх и отчаяние превратили нас в стаю загнанных зверей, готовых разорвать друг друга. И самое ужасное было осознавать, что, возможно, именно этого от нас и ждали.

По узким коридорам мы шли гуськом за куратором, а двое стражей замыкали шествие. Я украдкой посмотрела на своего стража, может, хоть что-то прочитаю в его неподвижном лице? Но он, как всегда, с высоко поднятой головой чеканил

шаг, будто был не человеком, а машиной.

— Можно узнать, куда нас ведут? — дрожащим голосом спросила Карла. От той самоуверенной и яростной девушки не осталось и следа.

— Нельзя, — сухо ответила куратор. — Но скажу одно. Сейчас решится ваша судьба на Отборе.

От этих слов колени подкосились, а скула, куда пришелся удар Карлы, заныла с новой силой. Я дотронулась до раны, испачкав пальцы в крови. Хорошо бы обработать, пока не началось заражение. Вряд ли здесь раздают антисептики, но хотя бы пластырь... Вспомнилось, как Волк упоминал, что к врачу мы сможем обратиться после трех дней испытаний. Но Карле же перевязали руки после наручников, может, и мне повезет?

Перед массивной черной дверью куратор остановилась. Она замерла у ручки, словно колеблясь. Неужели и она боится? Но за кого — за нас или за себя? Сделав глубокий вдох, она резко постучала и открыла дверь. Стражи остались стоять на месте, значит, и нам нужно ждать.

Мы переглянулись с Карлой, в ее глазах читалась та же растерянность и страх. Никто уже не винил друг друга — Карла, затеявшая драку, и я, пытавшаяся их разнять и получившая за это в лицо. Мы были просто двумя напуганными девушками, оказавшимися не в том месте и не в то время. Я точно знала, что Юту сдавать не стану. Лучше подумать, как объяснить свое ранение, чем втягивать в это других.

Дверь приоткрылась, и куратор, уже без стражей, жестом пригласила нас войти. Мы несмело переступили порог, и дверь захлопнулась за нами. В просторном кабинете за массивным столом сидел Лев. Мы остались втроем: я, Карла и тот, от чьего решения зависела наша судьба.

Помещение было небольшим, но просторным, с высокими потолками. В центре кабинета стоял массивный дубовый стол, заваленный голографическими схемами и отчетами. Единственным украшением служила деревянная фигура льва.

Совершенный поднял глаза от документов. Его фигура, даже сидя, казалась очень объемной — широкие плечи, сильные руки с аккуратными пальцами лежали на столе неподвижно. Его лицо с резкими, идеальными чертами могло бы быть холодным, если бы не глаза цвета расплавленного золота, в которых сейчас плескалось нечто среднее между любопытством и легким раздражением.

— Две участницы с травмами в канун решающего испытания, — его голос, низкий и бархатный, заполнил пространство комнаты. — Объясните.

Я сделала небольшой шаг вперед.

— Это моя вина. Я неловко упала во время отработки приемов, а Карла пыталась мне помочь.

В конце концов, могла же я в течение предоставленного часа тренироваться перед испытанием. Теоретически я не солгала.

Лев медленно поднялся. Его рост был внушительен, и теперь, стоя рядом с ним, я ощущала всю мощь его телосложения.

— Падение, — повторил он, приближаясь и кивая. Его взгляд скользнул по моей скуле, затем перешел к перевязанным запястьям Карлы. — Интересно, что за тренировка могла оставить такие разнообразные следы.

Он остановился в шаге от меня. Тепло, исходящее от его тела, было почти осязаемым.

— У нас тут или героиня, или прекрасная лгунья, — его глаза сузились, и в их глубине на мгновение вспыхнула опасная искорка. Он повернулся к Карле. — Можешь идти.

Карла испуганно посмотрела на меня, а я в ответ умоляющими глазами смотрела на нее, прося не оставлять меня наедине с Совершенным. Но собрав всю свою смелость, я кивнула девушке, и та очень быстро выбежала из кабинета.

Когда дверь закрылась, Лев жестом указал на кресло перед столом.

— Теперь, когда твоя подружка трусливо сбежала, и мы остались одни, — он не стал садиться на прежнее место, а облокотился о стол, — выкладывай правду. И имей в виду — я терпеть не могу, когда мной пытаются манипулировать.

Под его пронзительным взглядом я почувствовала себя словно под микроскопом.

— Была драка после индивидуального испытания у Тигра, — наконец выдохнула я, не называя имен. — После ла-

биринта все были на пределе, нервы уже сдают, а я пыталась разнять девчонок.

Лев молча изучал мое лицо, его кисти оперлись о край стола, а пальцы слегка постукивали по деревянной поверхности.

— Почему взяла вину на себя? — спросил он наконец.

— Потому что это Отбор, — сказала я, осознавая правду своих слов. — Здесь каждый сам за себя. Но это не значит, что нужно топить других и терять человечность.

В уголках его губ дрогнула тень улыбки.

— Благородно. Глупо, но благородно.

Совершенный встал и подошел к настенному шкафу, доставая оттуда небольшую металлическую коробку. Если там лежит шприц, который убьет меня - это конец. Моему благородству, моей смелости, моей жизни. Я уже никогда не помогу другим, не смогу увидеть настоящее солнце, почувствовать капли дождя на своем теле. Но даже с такими мыслями, я благородно закрыла глаза и ждала, когда Лев сам, без помощников отправит меня в утиль.

Раздался щелчок открывающейся коробки, затем легкий шелест. Я сглотнула, ожидая укола, но вместо этого почувствовала прохладную влажность на скуле.

Я открыла глаза и увидела, что Лев, склонившись надо мной, с невозмутимым видом обрабатывает мою рану антисептической салфеткой. Его длинные пальцы уверенно прикоснулись к моему подбородку с поразительной нежностью.

Он слегка наклонил мое лицо, чтобы лучше видеть рану. Дыхание его было ровным и теплым.

– Что, неожиданно? – спросил Совершенный, и в его глазах, этих золотых и невыносимо глубоких, плясали веселые искорки. – Ожидала чего-то более... драматичного? Хотя, должен признать, твоя готовность принять смерть с закрытыми глазами и гордо поднятым подбородком впечатляет.

Я покраснела до корней волос, чувствуя себя полной душой.

— Это может немного жечь, — предупредил он, прежде чем нанести заживляющую мазь.

Я зажмурилась, ожидая боли, но его движения были удивительно бережными. Он действовал с хирургической точностью и аккуратностью, словно боялся причинить малейшую боль. Когда он накладывал пластырь, его пальцы на мгновение задержались на моей коже, и я почувствовала легкую дрожь в его кончиках — странную уязвимость в таком могущественном существе.

– Я просто... подумала, что логично... раз уж я нарушила правила...

– Правила, – перебил Лев, отступая на шаг и убирая аптечку, – это то, что я устанавливаю. И пока что я не установил правило "казнить за попытку прекратить дурацкую драку". Другое дело – за идиотское самопожертвование... я еще подумаю.

Он сел обратно за стол, и его лицо снова стало серьезным,

но в уголках губ все еще пряталась улыбка.

— Теперь, когда сеанс героизма завершен, можешь идти. И в следующий раз, прежде чем решать, что тебя ведут на казнь, удостоверься, что у палача в руках не пластырь с милыми ромашками.

— Что ж, — вздохнула я с наигранной трагичностью, — теперь я умру от стыда, а не от яда. Пожалуй, это даже хуже.

Лев замер на мгновение, а затем тихо рассмеялся — низкий, бархатный смех, который, казалось, заполнил всю комнату.

— Наконец-то, — произнес он, и в его глазах вспыхнуло неподдельное веселье. — Значит, у тебя есть не только благородство, но и чувство юмора.

С этими словами я вышла из кабинета, слегка опьяненная близостью с самым Совершенным мужчиной в мире, и почему-то в моем животе творилось что-то приятное, не похожее ни на что. Такое у меня было впервые. Возможно, это те самые “бабочки в животе”, о которых мне рассказывали.

Глава 8

Тигр ждал нас в том же круглом зале, но теперь в центре стояли восемь металлических кресел, расставленных по кругу. На спинке каждого висел странный головной убор, напоминающий корону с мерцающими кристаллами.

— Садитесь, — его медная грива казалась ярче в холодном свете кристаллов. — Это испытание на ментальную связь. Вы должны будете решить головоломку вместе, не произнося ни слова.

Он обвел нас взглядом золотых глаз:

— Кристаллы создадут ментальную связь между всеми участницами, вы сможете общаться мыслями. Если вы до сих пор думаете, что Дозор Безмолвия понимают друга друга, читая мысли, вы не ошиблись. Они используют эту самую ментальную связь, когда находятся на работе. Именно поэтому они всегда молчат, но в реальности, могут болтать без умолку между своими коллегами, с кем они подключены.

Эта правда ошеломила больше, чем пластырь с ромашками. Все участницы молча заняли места. Когда холодные кристаллы коснулись висков, мир изменился. Я вдруг ощутила присутствие семи других сознаний — как-будто в моей голове появились посторонние голоса.

«Боже, это так странно» — пронеслось в пространстве мыслей, и я узнала голос Юты.

«Сконцентрируйтесь на задаче, мы справимся, — прозвучал уверенный мысленный посыл Рут.

Тигр жестом активировал голографический проектор. Перед нами возникла трехмерная карта разрушенного города с обвалившимися небоскребами, заваленными улицами и одиноким медицинским складом в эпицентре.

— Ваша задача — быть глазами и ушами для своей команды, — голос Тигра звучал холодно и четко. — Шесть зеленых меток — ваши напарники. Они движутся к медицинскому складу. Ваша цель — направлять их, предупреждать об угрозах и следить, чтобы они дошли живыми. Красные метки — неопознанные цели. Возможно, это безобидные животные. Возможно, смертоносные твари. Решения нужно принимать быстро, времени на раздумья нет.

Карла сразу взяла на себя командование.

— Я буду отслеживать западный сектор. Рут — восточный. Ди — ты займись северным подходом к складу.

Мы молча кивнули, и на карте зеленые точки начали движение. Воздух в зале наполнился напряжением. Первые минуты прошли спокойно, а затем...

— Красная метка в переулке 7-Б! — крикнула Юта. — Двигается в сторону команды!

Все взгляды устремились на мерцающую точку.

— Это может быть что угодно, — прошептала Ильма. — Крыса... или что-то хуже.

— Приказываю команде свернуть на 5-ю улицу! — ско-

мандовала Карла.

Но едва зеленые точки изменили курс, как новая красная метка появилась прямо перед ними.

— Они в ловушке! — вскрикнула Лина.

Я пристально следила за северным сектором. Что-то было не так... Красные метки появлялись слишком организованно, словно загоняя наших напарников в угол.

— Это не случайные атаки, — сказала я мысленно. — Кто-то или что-то руководит ими. Смотрите — метки движутся по определенной схеме.

Тигр, наблюдавший за нами, едва заметно улыбнулся.

— Команде срочно нужно вернуться, откуда пришли. — отчеканила наш капитан, Карла.

— Подождите, — сказала я. — Их пытаются загнать в ловушку на земле, но есть ведь крыши.

— Что? — Карла посмотрела на меня как на сумасшедшую.

— Смотрите — на карте обозначены пожарные лестницы, а значит есть возможность забраться на крышу. Если команда вернется обратно, то придет с задания с пустыми руками, ведь не просто так их отправили в медицинский склад.

Наступила мертвая тишина. Все смотрели на меня и на Карлу. Видно было, что она колеблется, но красные точки приближались к нашим вымышленным напарникам.

— Команде приказ — обойти здание с юга и вернуться обратно, — повторила свой приказ Карла.

Зеленые точки послушно изменили курс. Когда они оказались на безопасном расстоянии, красные метки исчезли, и все девушки, кроме меня облегченно выдохнули.

— Хорошая работа, — тихо сказал Тигр. — Но посмотрите на западный сектор, откуда пришли напарники.

Мы обернулись к карте и застыли в ужасе. Три красные метки стремительно сближались с двумя зелеными. Слишком быстро, чтобы успеть предупредить.

— Нет... — прошептала Карла.

Но было поздно, две зеленые точки погасли.

Тишина в зале стала гробовой. Мы проиграли.

Тигр выключил проектор, а мы аккуратно отлепили датчики с висков.

— Урок усвоен? — его голос звучал жестко. — Ваша задача — не допустить потери своих напарников. И помнить, что каждая ошибка стоит кому-то жизни.

Совершенный посмотрел прямо на меня.

— А тебе, Диана, стоит научиться доверять своей интуиции раньше и вовремя отдать команде приказ. Возможно, это спасло бы их.

Когда мы выходили из зала, я поймала на себе взгляд Тигра. Возможно я и разочаровала его, вовремя не перенеяв командование группой, и если бы это были настоящие напарники, я могла бы их спасти, если бы помогла найти выход.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.